

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ПОЗЫВНОЙ:

«МОСКАЛЬ»

Наш человек — лучший ас Сталина

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

**Позывной: «Москаль». Наш
человек – лучший ас Сталина**

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Позывной: «Москаль». Наш человек – лучший ас Сталина /
В. П. Большаков — «Махров», 2016 — (Военно-историческая
фантастика)

ISBN 978-5-9955-0824-3

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Позывной: «Колорад». Наш человек Василий Сталин»! Зброшенный в июнь 1941 года, наш современник оказывается в теле опального командующего ВВС Павла Рычагова, снятого с должности за скандальную фразу, брошенную в лицо Сталину: «Вы заставляете нас летать на «гробах»!» В реальной истории Рычагова расстреляли в октябре 41-го. Удастся ли «попаданцу» изменить прошлое? Как вернуть доверие Вождя и убедить его поднять авиацию по тревоге, чтобы вражеский удар не застал «сталинских соколов» на «мирно спящих аэродромах»? Смогут ли наши летчики уже летом 41-го освоить тактические приемы из будущего: «кубанскую этажерку», «скоростные качели», «соколиный удар»? И сколько самолетов Люфтваффе нужно сбить «попаданцу», чтобы стать лучшим асом СССР?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0824-3

© Большаков В. П., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Часть вторая	31
Глава 1	31
Глава 2	36
Глава 3	42
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Большаков

Позывной: «Москаль». Наш человек – лучший ас Сталина

Часть первая Беглец

Пролог

Москва, 9 мая 2015 года

...«Мессершмитт» атаковал в лоб – сверкая лопастями пропеллера, слившимися в круг, он пыхал коротким злым огнем крыльевых пушек.

Навстречу «Яку» понеслись дымные жгуты трассеров, малиновые и зеленые.

Жилин положил истребитель на крыло, уходя с линии огня, и вжал гашетку. «Як» затрясся, посылая очередь, – двадцатимиллиметровые снарядики порвали «Мессеру» крыло, добрались до кабины – брызнули стекла – и впились в мотор.

Полыхнуло пламя.

Фашистский самолет промелькнул мимо, копотно-черный шлейф стелился за ним, как траурная лента...

Изображение замерло, и на экране всплыла надпись: «Game over».

Жилин со вздохом оторвался от компьютера, отпуская джойстик, и впрямь походивший на игрушечную ручку управления «Яком».

– Молодец, деда! – воскликнул правнук. – Сбил!

– Опыт есть, Пашка, – усмехнулся Иван Федорович, полковник авиации в отставке. – Единственно – ерунда эта твоя «стрелялка»... как бишь ее...

– «Уорлд оф варплэйнс»! – важно выговорил Павел. – А почему ерунда?

– Ну-у... Как тебе объяснить... Ну вот этот «худой»...

– Кто-кто?

– «Худыми» мы «Мессершмитты» называли – у них фюзеляжи узкие. Во-от... «Мессеры» очень редко атаковали в лоб, чаще они уклонялись. Немцы не любили геройствовать.

Правнук примолк.

Забравшись к деду на колени, он сказал тихонько:

– Деда, зато ты у меня герой.

Улыбнувшись, Жилин погладил Пашку по голове.

В мае ему девяносто шестой пошел, но старикан он был удивительно бодрый – ходил без палочки, а если ронял монетку на пол или газету, то сам нагибался и поднимал. Хотя войну отбыл от звонка до звонка, с того самого 22 июня и по август 45-го.

И сбивали его, и попадали – три дырки в шкуре провертели фрицы, а он раз за разом выкарабкивался и упорно возвращался в строй. Пятьсот сорок боевых вылетов, полсотни сбитых «Мессеров», «Фокке-вульфов», «Юнкерсов» и прочих «Хейнкелей».

Иван Федорович вздохнул. Разбередил его парад, растревожил...

На Красной площади он сидел неподалеку от Путина, чуть выше.

Ах, как шагали наши десантники – сильные, настоящие, умелые, brave парни! Иные из «голубых беретов» каменели лицами, а другие не могли сдержать чувств – и улыбались белозубо, радуясь празднику, здоровью, молодости...

И опять вздох. Чего развздыхался, старый хрыч? Да все от того же... Жизнь прошла, как ни крути.

Одно хорошо, что детей своих хоронить не довелось...

Единственно – жена покойная. Слегла однажды Алена, да и не поднялась больше. А что вы хотите? Возраст...

Один ты зажился, Иван Федорыч, и никак не желаешь освободить жилплощадь...

Ну, это уже стариковское брюзжание началось.

Сашка, старшенький его, не из таковских, что стариков своих со свету сжить не прочь. Да и есть у него квартира, хоть и в Мытищах.

Зятек его тоже не бедствует, в «манагеры» вышел, все какими-то мудреными делами занят, на «инг» заканчиваются...

– Алё? – послышался голос правнука. – Я у дедушки. Ага... А куда? К тете Томе? Ура-а... Я щас! Деда, я пошел!

Шаркая тапками, Жилин выбрался в прихожую. Пашка как раз упаковывался в свою куртку «на рыбьем меху».

– Не продует? – озаботился старый.

– Не-а! – легкомысленно ответил малый. – Пока, дед!

– Пока...

Клацнул замок, прогудели ступеньки, глуша топот юных ног, – и тишина. Только «ходики» продолжали отбивать тающие секунды.

Интересно, подумал Жилин, проживет ли он еще один год?

Может, дотянет до сотни? Это вряд ли...

А жаль.

Хоть и говорят, что старики устают жить, но это точно не про него.

Очень хочется посмотреть, а что же дальше-то будет.

Только-только Россия подниматься стала да сдачи давать! И Союз строится, пусть даже и не Советский, а Евразийский, да хоть такой...

Ага...

А он возьмет и того... скоропостижно.

– Чего ты куксишься? – проворчал Иван Федорович вслух. – Тикаешь еще, вот и радуйся...

Воображение все равно разыгралось, и Жилин представил себе, как на следующий парад Пашка понесет его портрет – пополнение «Бессмертного полка»... Полковник лишь головой покачал.

Все может быть, все может статься... Человек внезапно смертен.

Иван Федорович задумался.

Он прошел всю войну, бил фашистов с «яков» и «лавочек» и Берлин брал, и чуть было до Токио не дошел, когда летом 1945-го японцам жизни давали. А все равно бродила в нем, покоя лишала какая-то... неудовлетворенность, что ли. Словно не все он сделал, что мог, не исправил ставшее непоправимым.

Жилин поугрюмел.

Что он мог? 22 июня лейтенант Жилин поднял свой «И-16» и сбил немецкий бомбовоз. Его «ишачка» тотчас же «опустили»...

Да и куда ему было сажать истребитель, коли родной аэродром разбомбили?

До сих пор саднят эти воспоминания – о самолетах, которым даже не дали взлететь, пожгли на земле. О летчиках, что носились в одном исподнем, стаскивая брезент с истребителей, пытаюсь завести моторы, а в баках пусто...

Это было колоссальное унижение.

Даже при Ельцине, «опустившем» всю страну, Жилин не испытывал такого позора.

Наверное, не зря первенца окрестили Александром, в честь Суворова, а правнук даже не догадывается, что носит имя главнокомандующего ВВС РККА.

Павел Васильевич Рычагов командовал авиацией 9-й армии во время войны с белофиннами. Именно тогда младлей Ваня Жилин сбил свой первый «Фоккер»¹.

Рычагов мог выйти в «красные маршалы», стать большим человеком, но его подвела молодость, глупость и горячность.

Еще в 1935-м Рычагов ходил в старших лейтенантах, но это был прирожденный ас. За один вылет он мог накрутить двести пятьдесят фигур высшего пилотажа – так Павел Васильевич принимал новую технику, поступающую в эскадрилью.

Однажды, пилотируя «У-2», он заметил, что одна из лыж встала торчком. Передав штурвал сослуживцу, Рычагов вылез из кабины на крыло и, держась за стойку, хладнокровно, ногой, выставил лыжу в посадочное положение. И готово дело.

Вот такой человек. А потом была Испания...

Старший лейтенант Рычагов под именем Пабло Планкара командовал эскадрилей «И-15». Над Мадридом и Гвадалахарой он сбил шесть «Юнкерсов» и «Фиатов».

В 1938-м майор Рычагов сам попросился в Китай – бить самураев.

И бил!

Отражал налеты японской авиации на Ханькоу и Наньчан, уничтожил сорок восемь самолетов противника на аэродроме в Нанкине, а потом нанес удар по тайваньской авиабазе, после чего оттуда месяц не взлетал ни один «Зеро-сэн»².

А карьера какая! Комэск – комбриг – комкор – главнокомандующий ВВС! Весной 1941-го, когда ему едва тридцать исполнилось, Рычагов стал заместителем наркома обороны.

Падать после такого взлета было ох как больно...

Особенно если по собственной дурости.

9 апреля на Политбюро ЦК ВКП (б) обсуждался вопрос об аварийности в авиации Красной Армии. Положение было аховое – каждый божий день разбивалось по два-три самолета!

Рычагову сделали справедливое внушение – дескать, виной всему «расхлябанность и недисциплинированность». Мало того, нарушителей никто даже не наказывает! И что же ответил молодой замнаркома?

Вскочил, покраснел, да и ляпнул: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!»

Сталин стоял рядом, и для него эта выходка Рычагова стала плевым в лицо, самым настоящим личным оскорблением – вождь немало усилий затратил, «подтягивая» авиацию. И вдруг такая пощечина, да еще прилюдно!

Иосиф Виссарионович постоял, помолчал.

Пошел мимо стола, за которым сидели члены ЦК, развернулся, зашагал обратно в полной тишине. Вынул трубку изо рта, проговорил медленно и тихо, не повышая голоса: «Вы не должны были так сказать!» И пошел опять, справляясь с волнением.

Дошагал, вернулся и повторил тем же низким спокойным голосом:

¹ Имеется в виду не прозвище, данное советскими пилотами самолетам «Фокке-Вульф», а истребители голландской фирмы «Фоккер», поступавшие на вооружение ВВС Финляндии.

² Японский истребитель «Мицубиси А6М Зеро». «Сэн» от слова «сэнтюки» – истребитель.

«Вы не должны были так сказать, – сделал крошечную паузу и добавил: – Заседание закрывается».

И первым покинул комнату.

Что тогда думал Рычагов, неизвестно. Через три дня недоучку-главнокомандующего сняли и направили в Военную академию Генштаба: учись, студент!

Сделал ли Павел Васильевич верные выводы в промежутке между будущим Днем космонавтики и 22 июня?

Нет.

26 июня Рычагова арестовали, а осенью расстреляли вместе с супругой, майором Марией Нестеренко, обвиненной в том, что «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности мужа»...

Вот такая судьба.

Запиликал телефон, и Жилин поспешил снять трубку.

– Да?

На том конце провода задышали, захлюпали носом, и стеклянный голос сказал:

– Иван Федорыч? Алё!

– Леся? – удивился и обрадовался Жилин. – Ты, что ли?

– Добрый ранок, Иван Федорыч! Я...

– А Панас где? Чего не звонит? Я-то думал, он меня первым поздравит!

Леся расплакалась.

– Помер папка...

Ветеран нашарил притолоку двери на кухню и вцепился в нее.

– Ах, ты... Когда?

– Та учора! Як заснув, так и усэ... Сердце! Завтра хороним. Приезжайтэ, будь ласка!

– Конечно, конечно, Леся! А как же!

Послышались гудки, и Жилин осторожно повесил трубку, словно та была из хрупкого стекла.

– Ах, ты...

Иван Федорович покачал головой. Панас, Панас...

От Курска до Берлина вместе дошли, в одной эскадрилье, крылом к крылу. А сколько раз спину друг другу прикрывали? Начнешь вспоминать, и сразу столько всего в голове проясняется. Война была долгая...

Ветеран вздохнул. Ему очень не хотелось ехать на Украину. Очень! Но долг... Последний долг...

Жилин засуетился, собираясь в дорогу. Свой любимый, истертый портфель он брать не стал. Зачем? Пижама туда класть или зубную щетку? Да тут ехать-то! Таскайся потом с этой «ручной кладью»...

Махнув рукой, Иван Федорович вышел из дома, как был – в парадном костюме, с рядами позванивавших орденов и медалей на пиджаке. Перекантуется как-нибудь...

На метро Жилин добрался до Киевского вокзала, купил билет, занял свою нижнюю полку. Когда поезд тронулся, Иван Федорович настолько погрузился в прошлое, что смотрел в окно и не видел ничего. Мелькали дачи, проплывали подмосковные рощицы или развязки с суетливым трафиком, да только все мимо, мимо...

Перевалит вам за девяносто, и соблазны реала потеряют свое притяжение. До будущего надо еще дожить, а поспеете ли? Вот и окунаешься в омут памяти, мыслями возвращаясь к давно минувшему...

Поезд «Москва – Одесса» прибыл в Киев ясным утром, однако Жилину почудилось, будто столица «незалэжной» погружена в сумрак. Словно дым от покрывок, сгоревших на Майдане, так до сих пор и не выветрился.

Люди какие-то дерганные, нервные, злые... Киевляне с умными лицами, с добрым выражением глаз словно прятались в толпе, уходили в себя – приглядываться надо, чтобы их заметить.

Часто реяли петлюровские «жовто-блакитные» флаги, и делалось неуютно: той Украины, что ветеран знал, больше не существовало.

УССР стала «заграницей», чужой и опасной страной, где правят фашисты. Тут ненавидят русских, обзывая их «ватниками», тут малюют свастики на могилах павших героев, а молодчики с оселедцами на головах маршируют в вышиванках и трубно ревут: «Слава України!»

Смириться с бандеровским беспределом, с внезапным «оборотничеством» некогда братского народа Жилину было нелегко.

Они с Панасом Сулимой прошли, пролетели от Донбасса до Карпат, сбивали «Мессеры» и радовались, что истерзанная украинская земля обрела наконец-то свободу. А теперь ее снова топчут фашисты...

Иван Федорович покривился, страдая от бессильного гнева. Вон, вышагивают...

«Правосеки» с красно-черными флагами не прятались, они шагали нагло, по-хозяйски. Киевляне пугливо отворачивались, а то, бывало, и сами надсаживались, выкрикивая бандеровское: «Героям слава!»

А перед Жилиным словно прокручивали старую кинохронику, где тысячные толпы «кидают зигу», истошно вопя: «Хайль Гитлер!»

Неужто даром кровь лили? Неужто те молодые, веселые парни, чьи лица сохранились лишь на старых фото, погибли зря?

Право, будь он лет на сорок моложе, отправился бы на Донбасс – фашистов бить. Единственно только – дедам путь в молодость заказан, им даден билет в один конец.

Конец. «Game over», – как Пашка говорит.

– Кончай, Иван Федорыч, – буркнул себе под нос Жилин. – Разнылся...

До пятиэтажки на улице Луначарского, где проживал его однополчанин, он добрался на троллейбусе.

В тесноватой квартирке пахло тлением и воском. Народу собралось немного, человек пять: жена Панаса – бабушка со скорбным изгибом впалых губ; дочь Леся в траурном платье и трое старичков-вeterанов.

Иван Федорович был шестым, а майор Сулима лежал в гробу, обтянутом красным бархатом, желтолицый и словно усохший среди бумажных цветов.

Похороны – весьма нудное мероприятие.

Деловитые могильщики с лопатами сучали в сторонке, дожидаясь своей очереди – и заветной бутылки за труды...

Красноносые музыканты старательно «лабали жмурика», извлекая из расстроенных инструментов душераздирающие звуки...

Равнодушные повара готовили скромную снедь в кафешке, закрытой на «спецобслуживание»...

Постный супчик, солянка с котлетой, компот. И водка.

Земля тебе пухом, Панас...

С поминок Иван Федорович возвращался уже вечером, решив не задерживаться в Киеве. Как там у Чехова? «В Москву! В Москву!»

Было противно смотреть на «майдануток», на крикливые плакатики «Україна – це Європа!», на всю эту разруху в головах, на улицах и в подворотнях.

А где-то на востоке палат орудия по Донецку, обстреливая мирные дома «ватников» и «колорадов»...

И Жилину стало совсем тошно.

До вокзала он добирался по улице Коминтерна, лет пять как переименованной в честь Симона Петлюры. Ветеран не плелся даже, а едва тащился, усталый и вымотанный, из последних сил опираясь на палочку и укоряя себя за то, что рано сошел с троллейбуса – надо было еще пару остановок проехать. Нemoщь, нemoщь...

Стемнело, зажглись фонари, да и витрины с окнами добавляли света. По улице потоком катили машины – и шагала колонна бандеровцев с факелами.

Они орали, вскидывали, не стесняясь, руки в нацистском салюте, голосили, гоготали, и Жилин на миг ощутил себя Штирлицем в Берлине, наблюдающим за шествием штурмовиков.

Тут пятеро или шестеро лбов отделились от толпы, привлеченные блеском орденов. Один из них, потный и волосатый, с рунами СС на майке, глумливо осклабился:

– Та цэ ж москаль, хлопци!

Его «камрад» громко икнул и сказал на чистом русском языке:

– Щас проверим. А ну, дед, скачи!

Лбы радостно заржали.

– Кто не скачэ, – продекламировал волосатый, – той москаль!

Протянув руку, он ухватился за медали, висевшие у Жилина на груди, и дернул, срывая награды «За взятие Берлина» и «За отвагу».

– Прочь! – выдохнул Иван Федорович. – М-мразота!

– Вате слова не давали! – ухмыльнулся волосатый и пихнул Жилина.

Старик не удержался, упал на одно колено – ногу пронзила палящая резь.

– Суки фашистские! – прохрипел Иван Федорович, из последних сил взмахивая тростью.

«Камрад», которому он съездил по колену, зашипел, выматерился и набросился на Жилина. Нога в грязном берце заехала фронтовику в живот, сбивая дыхание и опрокидывая навзничь, вломила в ребра, в печень...

– Клятый москаль! – взвизгнул волосатый, обрушивая на голову Ивана Федоровича бейсбольную биту.

Боль затопила сознание, и навалилась тьма. Последним высверком света мелькнула мысль: «Game over?..»

Глава 1 «Подселение»

СССР, Сочи, 19 июня 1941 года

Жилин ощутил себя лежащим, прикрытым простыней.

Он в морге? Помер ветеран войны, и его брненное тело перевезли в больницу? Хм. Как-то уж слишком тепло и мягко...

И пахнет не дезинфекцией, а цветами – и морем.

А почему тогда темно? Иван Федорович открыл глаза.

Высокий белый потолок. Окна задернуты плотными шторами, но лучи утреннего солнца пробиваются, преломляясь в висяльках люстры. Одна из шторин слегка колыхалась на сквозняке, и висяльки чуть-чуть покачивались, вызванивая почти неслышно.

Господи, да где же он? Не в мертвецкой, это точно.

Ничего не болело, не ныло, даже бывшая ярость угасла, сменяясь усталым безразличием.

Выпростав руки, Жилин отер лицо, осторожно ощупал голову. Цела... Сердце дало сбой – и забилося чаще.

Это были не его руки!

Не сухие и мосластые, в старческих конопушках, а вполне себе молодые, сильные. Упругая гладкая кожа рельефно бугрилась, очерчивая крепкие мышцы...

И, как гром с небес, сонный женский голос:

– Проснулся, Котя?

Иван Федорович резко повернул голову.

Опираясь на локоть, ему улыбалась молодая женщина, оголяя стройную шею, и без того выделенную короткой прической, и покатые царственные плечи.

Лицо ее можно было назвать простым, страшеньким даже, но улыбка здорово красила его, придавая чертам миловидность.

– Проснулся наш Па-ашечка, проснулся наш генера-альчик... – нежно заворковала она и села, потягиваясь, бесстыдно выставляя тугие круглые груди. Наклонившись к Жилину, она прошептала нежно, подлаживаясь: – Доброе утро, Котя. Как спалось?

– Странный какой-то сон, – пробормотал полковник, не узнавая свой голос.

Женщина игриво рассмеялась и стянула с него простыню.

Прижалась, обдавая теплом, и руки Жилина сами, без ведома хозяина, стали гладить налитое, шелковистое, горячее.

– Машенька... – слетело с его губ.

Что? Это он сказал? Откуда он знает эту женщину?

На последующие десять или пятнадцать минут рассудок вообще отключился, подчиняясь душным плотским желаниям.

Жилин овладевал женщиной со всей страстью скупердя, вдруг обретшего утерянное сокровище.

И со страхом ожидал, что вот-вот откажет сердце, не выдержав утех, однако «моторчик» тарахтел, как ни в чем не бывало, легкие вбирали воздух, как мехи, а руки хватили стонавшую женщину за грудь, за попу, сжимали, тискали, мяли, гладили...

В благостном изнеможении Иван Федорович упал на подушку, бурно дыша. Маша пристроилась рядом, положив голову ему на плечо. Жилин обнял ее за плечи, чувствуя, как волосы щекочут щеку.

Может, так оно и бывает? Он умер и угодил в рай?

Хм. Ну, если данные улады – райские, то бестелесными их назвать трудно. Как-то не вяжется с парадизом.

– Котя, полежи пока, – шепнул он и встал.

– М-м-м...

Иван Федорович натянул пижамные штаны, подцепил пальцами ног тапочки и вышел.

За дверями, ведущими в спальню, обнаружилась гостиная, или что-то в этом роде. Шторы тут задернуты не были, и ясное утро ломилось в большое окно.

Жилин прислонился спиной к стене и крепко зажмурил глаза.

Это не сон, не бывает таких сновидений, когда все реально и вещно... Он криво усмехнулся, не раскрывая глаз. Ты еще и размышляешь, умник? Тебя убили полчаса назад! Понимаешь? Ты умер!

– Я жив! – прошептал Иван, открывая глаза. – Я есть!

Он осмотрелся.

На столе лежали букет увядших цветов и стопка газет. «Правда», «Известия», «Адлерская правда». Свежие, пахнущие типографской краской.

За 17 июня 1941 года.

Жилин застонал, роняя прессу на стол.

Озираясь, как в тумане, он зацепился взглядом за китель, висевший на спинке стула, и бросился к нему. Генеральский китель...

Сунул руку в карман, достал паспорт – коленкорovou темно-зеленую книжицу.

«Рычагов Павел Васильевич».

Жилин медленно опустил руку с серпастым-молоткастым и быстро сунул его обратно в карман, словно испугавшись – вдруг хозяин явится и застукает его за нехорошим занятием.

Углядев зеркальную дверцу шкафа, Иван Федорович приблизился и долго смотрел на свое отражение.

Молодой мужчина лет тридцати, ладно скроен, крепко шит.

Короткие черные волосы растрепаны, глаза смотрят потерянно, на щеках трехдневная щетина – разбаловался на курорте...

Жилин поднял руку, словно желая удостовериться, что отражается именно он. Да где ж он...

Накатила слабость, Иван Федорович пошатнулся, выбрасывая руку и шлепая ладонью по холодному стеклу.

Было такое ощущение, что в нем выросло что-то чужое. Затянуло в себя и стало как бы своим. Или это он сам проклянулся в ком-то?..

Полиментализм – всплыл в памяти фантастический термин.

Это что-то вроде сосуществования двух сознаний в одном теле.

Ну правильно, это ж не его тело, а Рычагова... С ума сойти!

Он так спокойно рассуждает обо всей этой невесте!

А что делать, коли уж он здесь и сейчас, за неделю до войны?!

Стоп-стоп! Кто – он?

«Иван Федорович Жилин» – это всего лишь «опознавательный знак» его личности. А что такое личность? Не тело, не мозг, а нечто расплывчато-неопределенное. Душа. Или разум.

Переселение душ? Нет, лучше так – перенос сознания.

Но то, что случилось с тобой, Ванька, куда круче, тут перенос не просто из одного мозга в другой, то есть не только в пространстве, но и во времени. Круто...

Ну и забросило тебя, Ваня...

С другой стороны, что он теряет? Что может потерять дед, которому проломили голову? Кроме жития?

Единственно – старость свою. Не жалко!

К тому же взамен ты получаешь молодой, здоровый организм.

Сбыча мечт, как зять любит выражаться...

Вернее, любил. Еще точнее – будет любить.

– Ладно... – обронил Жилин.

Будем считать, что некая высшая сила пересадила его сознание в тело Рычагова, что само по себе замечательно, ибо лишиться дряхлости – это счастье. Похоже на больного, страждавшего долгие годы и вдруг излечившегося. Это даже не радость, это буйный восторг!

А чего ж ты не прыгаешь от счастья, Иван Федорович? А того.

Единственный смысл в этом «подселении» может заключаться лишь в одном: ему поручается исправить ошибки Павла Рычагова.

А иначе как? Не может же быть, чтобы полковник из 2015 года «сконнектился», как зять выражается, с генерал-лейтенантом в 1941-м просто так, нечаянно!

Единственно только – это не случайность, не совпадение.

Он, Жилин, был и остается, по выражению того же зятя, истинным «совком», то бишь человеком, для которого понятие долга – не пустой звук. А долг перед Родиной – самый священный.

Через неделю грянет война – чудовищная бойня, и он обязан сделать все, чтобы его народ пролил меньше крови и слез.

– Это даже не обсуждается, – пробормотал полковник.

Рычагов, правда, генлейт, но это не важно. Ответы на исконный русский вопрос «Что делать?» он найдет. Обязательно.

Ладно. По времени мы определились.

А вот где Иван Федорович, который Павел Васильевич, находится?

Откуда-то из глубин сознания всплыл адрес: «Сочи, проспект Сталина, военный санаторий».

Прошагав на балкон и оглядевшись по сторонам, Жилин убедился, что все так и есть. Это что же, выходит, память Рычагова при нем? Верно, верно! Не зря же он назвал ту женщину Машей!

Это жена Рычагова, Мария Нестеренко.

Хм. Вопрос: считать ли изменой ситуацию, когда женщина занимается любовью с другим мужчиной, чье сознание перенесено в тело мужа?

Жилин покривился. Ну, ты и пошляк, Иван Федорович...

Все, хватит ерундой заниматься!

Постояв под душем, Жилин вытерся огромным махровым полотенцем и аккуратно побрился опасным «Золингеном», оставив зачаток усов – для конспирации.

Он мрачно улыбнулся, стирая пену со щек, – придется тебе побегать, Котя, чтобы хвост не прищемили... Очень мало времени в твоём распоряжении, чтобы действовать обычным порядком.

Оттерев лицо одеколоном «Шипр» (кожу защипало, возвращая в давние – нынешние! – годы, когда мужчины не ведали, что лучше, чем «Жиллет», для них нет), Иван Федорович оделся.

– Котя, я скоро! – крикнул он в сторону спальни и покинул номер.

Прошагав длинным коридором, уминая сапогами ковровую дорожку, Жилин спустился на первый этаж.

Ничего особенного: пальмы в кадках, пара диванов, за стойкой – седенький Платон Николаич, добрейшей души человек.

Наверняка «постукивает» в горотдел НКВД...

Увидав генерала, администратор заулыбался, залучился просто.

А глаза недобрые, цепкие...

– Прогуляюсь за газетами, – небрежно обронил Иван.

– Конечно, конечно! Уже должны были подвезти.

Жилин вышел, пропадая из поля зрения Платона Николаевича, и осторожно глянул в большое окно.

Администратор просеменил в служебные помещения.

Иван быстро отворил дверь, тихонечко прикрыв ее за собой, и на цыпочках пробежал к служебке – мягкий ковер глушил шаги.

Углубляться в короткий темный коридор не пришлось – из-за приоткрытой двери донесся заискивавший голос «Платон Николаича»:

– Мне бы начальничка вашего услышать, товарищ сержант. Ой, будьте добреньки! Жду, жду... Алексей Дмитриевич?³ Здравствуйте! «Платон» беспокоит. Да, да! Вышел только что. Говорит, за газетами. Ага... Ага... Слушаюсь, Алексей Дмитриевич. Обязательно! Проявлю бдительность. Мы тут всегда на страже... Ага...

Слушать дальше откровения бдительного «Платона» Жилин не стал. Быстро покинув санаторий, он прошагал по проспекту до ближайшего газетного киоска, где купил «Комсомолку».

– А сегодня какое? – спросил Иван, наклоняясь к окошку.

Продавщица мило улыбнулась генералу.

– С утра девятнадцатое было!

– Отстал от жизни, – пошутил Жилин.

Пройдя всего десяток шагов, он столкнулся с человеком, которого никогда не встречал, но из глубины сознания всплыло: Емельян Кондрат, товарищ по Испании.

– О, здорово! – удивился и обрадовался Емельян. – Тоже загореть охота? Ты с Машей? И я хожу парой, ха-ха!

– Выдался отпуск, и махнули на юг вместе, – улыбнулся Иван. – А то ведь моя Мария, как Пенелопа, вся жизнь ее – ожидание. Я же странствую по войнам. А тут перерыв небольшой, как не воспользоваться...⁴

– Ну и правильно! А мы тут по соседству. Ну, крепкого тебе загара, ха-ха! Давай!

– Давай...

Вернувшись, Жилин даже не посмотрел в сторону администратора.

Поднявшись к себе, полковник бросил газету на стол и прошел к Маше.

«Жена» прихорашивалась, сидя у трюмо. Иван опустил на кровать, перехватывая взгляд женщины в зеркале.

– Купаться когда пойдем? – улыбнулась она.

– Никогда, – серьезно ответил «муж».

Машины бровки полезли вверх, а рука с расческой задержалась.

– Что-то случилось, Котя?

– Случилось. В это воскресенье начнется война.

Нестеренко так резко повернулась к нему, что халатик распахнулся.

– Это правда?

Жилин кивнул.

– Все очень и очень плохо, Маша. 24-го меня арестуют, через два дня придет твой черед.

Женщина смотрела на него неотрывно. Плечи ее опустились.

– Это из-за того... что... ну, что в апреле было?

³ А.Д. Бесчастнов, начальник 3-го спецотделения Сочинского горотдела УНКГБ.

⁴ Эти слова П. Рычагов действительно произносил при встрече с Е. Кондратом.

– А-а, когда я ляпнул сдуру? Да нет, Машечка... Не в том беда, что я Сталину наговорил, а в том, что наделал. Война будет страшная! Долгая! Миллионы сгинут! А в ВВС полный развал. Да за это убить мало!

– Ну, Котя... Ты же совсем чуть-чуть побыл главнокомандующим! Почему это ты должен отвечать за чужие ошибки?

– Должность у меня была такая – отвечать. А я...

– Кому надо, разберутся, Паша!

– Не разберутся, – жестко сказал Жилин. – Нас тупо расстреляют. Обоих. И готово дело. Мария расширила глаза, поверив сразу. Ее муж, отчаянный храбрец, физически не способен был панику разводить. Значит, правда...

– Что же нам делать? – упавшим голосом проговорила она.

– Тебе нужно скрыться, хотя бы на месяц, а я... Мне кое-что известно, Маша, и... Нет, лучше тебе побыть в неведении. Уходить надо, и срочно. Пока за нами следит только «добрейший» Платон Николаич, а вот потом... Короче, переодеваемся в штатское и неброское, форму берем с собой, может пригодиться. Деньги, документы... Все остальное бросим тут.

– У меня там... – слабо запротестовала Нестеренко.

– Я знаю, что у тебя в чемоданах, но бежать с ручной кладью не получится.

– О-ох...

Жилин встал и приобнял Марию, та доверчиво прижалась к нему.

– Все будет хорошо, верь мне. Ты же знаешь, у меня всегда был хоть какой-то, но план! Одевайся.

– Да-да...

Сборы были недолги, и вот супружеская чета – он с портфелем, она с хозяйственной сумкой – покинули номер.

Иван Федорович, лишенный, в отличие от Павла Васильевича, склонности к лихачеству, ощущал в этот момент неприятную боязнь и тревогу. Что их ждет?

Жилин усмехнулся: вот как раз о «них» он не переживал.

Маша была ему симпатична, но не более. Пускай память Рычагова с ним – память, но не чувства. Нет, речь не о том, чтобы бросить Марию – и пусть живет, как хочет.

Просто подступают воистину черные дни, война на носу, и единственный способ уберечь эту женщину – дать ей шанс укрыться, хотя бы на время. А после... Бог весть.

**А. Голованов, командир 212-го отдельного
дальнебомбардировочного авиаполка, май 1941 года:**

«Через несколько минут Павлов уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

– Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

– Не в духе Хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе!»

Глава 2

Попытка к бегству

Спускаться в фойе «Иван-да-Марья» не стали – санаторий они покинули через пустовавшую столовую.

На кухне вовсю гремели кастрюли, и за их дребезгом никто не расслышал, как лязгнул засов на двери служебного входа.

С той стороны на многократно крашенной двери висела табличка «Посторонним вход воспрещен!», но пациенты санатория частенько тут прошмыгивали – так было ближе до моря.

Вот и Жилин воспользовался тайной тропкой – через садик, между раскидистыми кустами магнолий и прямо к ограде, где недоставало одного кованого прута – щель оказывалась достаточной для тех, кто в меру упитан.

Иван пролез первым и помог выбраться Марии. Та протащила за собой сумку, поправила платье и сказала очень серьезным голосом:

– Если послепослезавтра война, что ты собираешься делать?

– Воевать, – обронил Жилин.

– Я с тобой, – решительно заявила Нестеренко.

– Маша...

Мария помотала головой.

– Коть, я не кулёма какая, что станет за тебя цепляться и хныкать по любому поводу. Я, между прочим, майор авиации! Ты же не на танке воевать собрался, надеюсь?

– На истребителе, – улыбнулся Иван.

– Ну вот! Будем воевать вместе.

Жилин задумался. Все уже продумано, все решено...

И он терпеть не мог, когда кто-то нарушал его планы.

Но совершить побег вдвоем с Машей... Это может получиться – одиночка всегда вызывает больше подозрений, чем парочка.

И совесть мучить не будет...

– Ладно, – сказал Иван, – вместе так вместе.

– Спасибо, Котя! – просияла женщина.

– Идем.

– А куда?

– На базар!

– За продуктами?

– За документами. Билеты на поезд ты как брать собираешься?

– А-а...

– Бэ-э! Пошли, Котя...

На городской базар добрались по Московской.

Передав свой портфель Маше и поручив ей прикупить снеди в дорогу, Жилин отправился на поиски местных блатных.

Это тоже входило в его план. Надо было поступать как можно более неожиданно. И негласно.

Купить билеты на поезд по своим собственным паспортам они с Машей могли, но тогда их поездка продлится недолго. Чтобы затеряться, следовало разжиться иными бумагами, а на «черном рынке» найдется все, только плати...

...Как и всякий базар, сочинское торжище притягивало к себе уголовничков всех мастей, от карманников-щипачей до скупщиков краденого и прочих преступных элементов.

Иван никогда не имел дел с криминалом, но в детстве, и особенно в юности, постоянно пересекался со шпаной всякого пошиба – с матерью и сестрой они жили в 7-м проезде Марьиной Рощи. Первый свой шрам он заработал именно там.

Прохаживаясь вдоль рядов, Жилин внимательно разглядывал местную публику.

Торговки да торговцы были в основном армянского обличья, хотя и русским духом тоже пахло.

Иногда прицениваясь, лишь бы не выделяться в толпе покупателей, Иван Федорович высматривал здешнюю гопоту.

Нескольких представителей сочинского «дна» он засек с ходу.

Вопрос: к кому из них подойти? Благородные разбойники бывают только в слащавых оперетках.

Вычислив «среднее звено», Жилин приблизился к сапожнику, который довольно ловко починал обувь, – местная шушера раз за разом подходила к нему, что-то передавала, получала ЦУ и снова отправлялась в кружение, аки пчелы.

Сапожных дел мастер глянул на Ивана исподлобья.

– Слушаю, гражданин начальник! – глумливо усмехнулся он, сверкая золотой коронкой.

– Я такой же начальник, как ты сапожник, – спокойно проговорил Жилин. – На базаре нет никого из органов, смотрел уже. Короче. Я не из ваших. Единственно – мне нужен паспорт и оружие, пистолет или револьвер, не важно. Сможешь достать? Заплачу или отдам камешками.

– Женские цапки? – прищурился лжесапожник, кивая в сторону Марии.

– Они, – по-прежнему спокойно сказал Иван.

– Приходи завтра. Сторгуемся.

– Сегодня. Сейчас.

– Помочь, Мастер? – прогудело сзади. – Этот фраерок...

Жилин чуть отшагнул назад и резко ударил локтем.

– Х-ха! – выдохнул «помощник», сгибаясь. Полковник вцепился пальцами в его загравок, наклоняя еще ниже, перехватывая руку со свинчаткой и заламывая ее – «командировка» в Китай кое-чему научила Рычагова, а тело «запомнило».

– Не мешай, когда дяди разговаривают, – сделал внушение Иван, отпуская громилу. – Шестери в сторонке и не лезь.

«Помощничек» дернулся было, но Мастер подал знак, и тот уgomонился.

– Чую, не простой ты фраер... – протянул сапожник. – Ладно. Помогу, но учти – останешься без штанов! Ксива нынче стоит дорого.

– Сойдемся в цене, – усмехнулся Жилин.

– Буба, – подозвал Мастер хмурого «помощника», – проводишь его к Седому, скажешь, от меня.

– Пошли, – буркнул Буба.

Он привел Ивана к лавке еще одного кустаря-одиночки.

Седой и вправду был бел как лунь. Зажав лупу глазом, он кривил рот, ковыряясь в механизме часов.

– Седой, этот – от Мастера, – представил Жилина «помощник» и независимо удалился.

– Чем могу-у? – пропел часовщик, ловко починая изделие Павла Буре.

– Нужно два паспорта, на меня и на во-он ту женщину.

– Все?

– Желательно, пистолет или револьвер.

Седой кивнул. Тут как раз шестеренка встала на место, и часы мелодично прозвонили.

– Превосхо-одно... – пропел часовщик и поднялся.

Порывшись в дальнем углу, он обернулся, посмотрел на Ивана, словно фотографируя, перетасовал целую стопку документов и выбрал самый подходящий.

– Будете Рамзаном Бехоевым, – сказал он, протягивая Жилину потрепанный паспорт. На фото был запечатлен усатенький молодчик, чернявый и мрачный, словно обиженный.
– А вот дама ваша... Хм! Волос уж больно короток... А попросите-ка ее сюда.

Иван выглянул из лавки и сделал знак Марии. Женщина подошла к лавке часовщика, рассеянно оглядела будильники, хронометры и прочие приборы и лишь затем вошла внутрь.

– Доброе утро, мадам! – пропел Седой. – Извольте примерить.

Он протянул Маше светлый парик, и та неуверенно натянула его на голову. Покривилась.

– Да вы не беспокойтесь, он чистый.

Жилин с интересом посмотрел на свою подругу – в обрамлении светлых волос до плеч она стала неузнаваема. Мало того, в «майоре авиации» появился некий шарм.

– Больше не стригись, – улыбнулся Иван. – Тебе так идет.

– Да?

– Ваш паспорт, мадам, – прожурчал часовщик.

– «Светлана Славина»?

– Да, Светочка, – усмехнулся Жилин и вытащил из кармана Машины серьги. – Этого хватит?

– Ну-у... – затащил Седой.

Иван молча добавил перстень.

– Годится!

Почти новый «ТТ» с запасной обоймой обошелся в нитку жемчуга и брошь с изумрудом.

– В расчете!

«Рамзан» и «Светлана» чинно покинули лавку часовщика. Никто из «деловых» не делал им «предъяв», да и приятная тяжесть «тэтэшника», засунутого за пояс, успокаивала.

Выйдя из ворот, Жилин столкнулся с Бубой. «Помощничек» подпирал ограду, но тут же, завидев своего обидчика, оттолкнулся плечом и выплюнул жеваную папиросину.

– Не спеши, фраерок, мы с тобой не договорили!

В руке у Бубы щелкнул, эффектно раскладываясь, нож.

– Убери железяку, придурок, – холодно сказал Иван, – не то сломаю руку.

Буба не внял.

«Железяка» раскрыла воздух крест-накрест, а затем «помощник» сделал выпад. Жилин не двигался до самого последнего момента, после чего прынул в сторону, уворачиваясь от секущего лезвия, перехватил руку Бубы и коротким ударом сломал ее.

Шестерка завизжал, приседая от боли в локте.

– ...! Ты мне руку сломал, ...!

– А я тебя, кажется, предупреждал. Пошли, Света.

Двумя часами позже «Бехоев» и «Славина» сели на поезд до Липецка. «Света», которая Маша, запросилась на верхнюю полку, и «Рамзан», который Иван, галантно уступил даме...

Глава 3

Взлет с Венеры

Завечерело.

Никто больше в купе не подсаживался, и «генлейт» с майором остались вдвоем. Иван весь божий день строчил, да поразборчивей – пальцы устали и побаливали.

Общую тетрадь, купленную в книжном, он исписал больше чем наполовину, старясь излагать факты четко и подробно, без эмоций и «размышлизмов». Писал о начале войны, о наступлении групп армий «Юг», «Север» и «Центр», о бедственных днях и ночах на Западном фронте.

Просил как можно скорее отправить линкоры «Марат» и «Октябрьская революция» на базу в Ханко, а оттуда – в Мурманск, иначе немцы так заблокируют Балтфлот, что тот не покажется в море. А вот Северному флоту придется очень туго: для немцев Арктика очень важна, один никель из Печенги чего стоит, и теми силами, которые есть в Мурманске, морякам не справиться.

Жилин писал о героях и предателях. О преступном небрежении командующего Западным Особым военным округом.

О разгроме аэродромов и мехкорпусов, о том, как таяли десятки дивизий.

О дурости командармов и наркомов.

О том, как замнаркома и референт Сталина Яковлев гнобил реально талантливых конструкторов – Лавочкина, Туполева, Петлякова, Поликарпова, – продвигая свои «Яки».

О «Киевском котле», о бойне подо Ржевом, о блокаде Ленинграда, о битве под Москвой, о тяжелейшем провале у Харькова, о Сталинграде.

О доблестных союзниках.

О немецких фельдмаршалах, о таких разных генералах – Власове и Карбышеве.

О Тегеранской и Ялтинской конференциях.

О Победе.

Иван сам себе напоминал Левшу, пытавшегося достучаться до имперских чиновников, не приемлющих «рацпредложений».

Советская бюрократия такая же. Дурачья хватает во всех наркоматах, даже в тех, что отвечают за обороноспособность страны.

Чего стоит один Кулик, отвергавший противотанковую пушку по причине ее... «излишней бронепробиваемости». Это ж какую дурную башку надо иметь, совершенно непробиваемую!

Впрочем, и в техническом плане Жилин старался быть кратким и точным. Он писал о «И-185», замечательном истребителе Поликарпова, не пошедшем в серию в основном из-за интриг.

О лучшем в мире бомбардировщике «Ту-2», который уже начали было собирать – и переключились на сборку «Яков».

Тут Яковлев обыграл уже Туполева.

Жилин напомнил о неплохом истребителе «-Ла-5», хоть и уступавшем поликарповскому, об «Ил-2», которому срочно требовался борт-стрелок.

О такой простой, понятной, нужнейшей вещи, как унификация.

Зачем на разных самолетах делать разные бомбосбрасыватели и прочие детали? Чтобы техники с механиками зверели от отчаяния, когда у них запчастей – йок?

О прекрасном танке «Т-34», который можно было сделать еще прекраснее – переделав нынешнюю подвеску на торсионную, чтобы освободить место и расположить дизель не вдоль, а поперек. Тогда и топливные баки можно спрятать в корпусе, и башню сдвинуть к середине,

чтобы люк механика-водителя был сверху, а не спереди, создавая уязвимость. Да и башню неплохо бы увеличить, и пушку помощнее поставить...

Насчет башни с орудием так и случится чуток позже, но лучше пусть чуток раньше... А как быгодились в «грозовом июне» самоходки! «СУ-85», «СУ-100»... Истребители танков!

А их нет.

И почему бы не клепать некое подобие БМП и БТР?

А радиолокаторы на самолеты? Тьфу, тут даже раций не допросишься, а он – локаторы!

Надо, надо локаторы. И тепловизоры тоже – скоро немцы до них додумаются.

А радиоэлектронная борьба, чтобы глушить эфир?

А вертолеты? А гранатометы?

И радиоуправляемые планирующие бомбы, и ракеты вроде «Фау», и турбореактивные двигатели – все надо!

Дописав и запихав тетрадь в конверт, Жилин вложил его в пакет из жесткой бумаги, аккуратно выводя адрес: «Москва, Кремль, И.В. Сталину лично».

И готово дело.

Идею с отправкой подобного «письма» Иван вычитал в одной из книжек про «попаданцев», которыми увлекался его внук-инженер.

Пакет Жилин намеревался отправить из Липецка.

Сомнения, конечно, были, но одно он знал точно: никакой почтовик, находясь в здравом уме, не посмеет выбросить почтовое отправление *такому* адресату. Разумеется, пакетом могли заинтересоваться энкавэдэшники.

Для них Жилин сделал надпись на внутреннем конверте: «Товарищи из НКВД! Здесь находятся материалы особой государственной важности, они содержат совсекретные сведения, предназначенные для товарища Сталина. Иным способом передать их не могу, просьба оказать содействие в скорейшей доставке получателю».

Уложив пакет в портфель, полковник со вздохом отвалился на стенку, стал бездумно смотреть за окно. Завтра они доберутся до Липецка...

Поднимет ли «Платон» шум, неизвестно, да и не важно. Если их с Машей и будут искать, то на улицах Сочи, у моря, в Адлере, и лишь потом расширят круг поисков.

Вполне возможно, что он преувеличивает опасность, однако куда лучше перебдеть, чем недобдеть. Если они попадутся, то второго шанса уже не будет. Не дадут.

Иван вздохнул.

Вся надежда была на полковника Вершинина. Костю. Тот был честным человеком, не способным на подлость, за что и пострадал.

С 20-х годов в Липецке действовала Высшая школа красных военных летчиков. Больше года она называется еще длинней – Липецкие высшие авиационные курсы усовершенствования командиров эскадрилий ВВС РККА.

Там имелось несколько аэродромов – Липецк (Венера),⁵ Усмань, Лебедянь и Грязи, насчитывало под две сотни самолетов «И-16», «И-153», СБ и прочих. Добротная такая авиабаза.

В прошлом году курсами командовал генерал-майор Васильев, а Вершинин был при нем заместителем по летной подготовке.

Но недаром говорят, что друг познается в беде. По ходу летно-тактических учений надо было отправлять в ночной полет эскадрилью СБ – скоростных бомбардировщиков.

Приближалась гроза, и Вершинин не давал «добро» на вылет, однако Васильев настоял.

В итоге непогода разметала самолеты в небе над Тамбовом, а три бомбардировщика разбились при вынужденной посадке.

⁵ Район Липецка был назван в честь планеты Венера, с подачи воинствующих безбожников.

Васильев, как водится, струсил и все свалил на своего зама.

По приговору трибунала Константина Андреевича понизили в звании и должности, заслав в строевую дивизию. Однако справедливость восторжествовала – приказом наркома обороны Васильев был разжалован в полковники, а Вершинина назначили на его место, начальником курсов.

Иван вздохнул. Вся надежда на полковника Вершинина...

Беда в том, что его помнит Рычагов, а вот он не знает никакого Костю. Ничего, узнает.

Придется разыграть сценку «Встреча друзей»...

– Давай спать... – зевнул Жилин.

– Я есть хочу, – жалобно сказала Мария.

– Правильно хочешь! Поедим – и баиньки.

Молодая семья живо смела свои припасы и выдула по стакану чая с печеньем.

– Теперь можно и с голодными воевать, – сказал Иван, отдуваясь, и поморщился досадливо. Сам того не желая, он напомнил о беде, что близится. О войне.

Судя по тому, как у женщины между бровей пролегла складка, мысли их были схожими.

– Все будет хорошо, Котя, – негромко сказал Жилин. – Спокойной ночи.

Иван Федорович зря напрягался – на вокзале в Липецке их с Марией никто не ждал. Никого в гражданской одежде, с «корочками» красного цвета.

В реале, которым Жилин продолжал считать прожитую жизнь, Рычагова арестовали в Москве, прямо на перроне. Или это было еще в Туле? В общем, не важно.

Главное, что в Липецке никто на них даже внимания не обратил.

Забегав на Главпочтамт, Иван сбросил пакет в ящик и, более нигде не задерживаясь, отправился «в гости» к Косте Вершинину – за город, куда, по счастью, следовала полуторка.

Водитель, молодой и лопоухий, с радостью взял попутчиков, тем более что Маша ехала с ним в кабине, а Жилину оставалось наслаждаться свежим ветром в кузове.

Подъезжая, Иван увидел гладкое травяное поле аэродрома, знакомые силуэты «чаек» да «ишачков», и сердце забилося чаще.

В этот момент он вдруг поверил, что все ему удастся, что он не обманывал Марию вчера, утешая – все будет хорошо!

Отряхнувшись, оба пассажира помахали развеселому шоферу и направились к зданию авиашколы, выстроенному еще в 1920-х немцами, первыми слушателями теперешних курсов.

Словно подслушав мысли Жилина, Нестеренко сказала негромко:

– Что же это получается? Мы их научили пилотировать на свою голову?

– Похоже! – хмыкнул Иван.

Разумеется, дежурные не захотели пропустить «гражданских».

С насмешкой глядя на бдительного Цербера в новенькой форме, Жилин сказал:

– Передайте товарищу Вершинину, что к нему пришли.

Курсант, продолжая подозрительно смотреть на Ивана, сказал, вырабатывая командный голос:

– Назовитесь!

– Пабло Планкар.

Дежурный кивнул и послал скучавшего сержантика к началству.

Вершинин объявился мигом – громкоголосого Костю было слышно еще с лестницы.

– Пропустить! – раздался приказ, и дежурный поспешно освободил вход.

– Пашка! – осклабился Вершинин. – Пардон, Павел Васильевич! Я вас приветствую!

– Да иди ты... Чинопочитатель нашелся. Здорово!

Обменявшись с Жилиным крепким рукопожатием, начальник курсов замешкался, глядя на Марию.

– Не узнали, товарищ полковник? – лукаво улыбнулась женщина.

– Кого я вижу! Мария Батьковна! Проходите, проходите!

Заведя обоих в кабинет, Вершинин осведомился:

– Чаю, может?

– Не откажусь. Да, Маша?

– Да. Можно с печеньем.

– А еще лучше – с бутербродами!

– Сделаем!

Когда юркий курсант притащил поднос со скромным угощением и закрыл за собой дверь, улыбка сползла с лица Жилина.

– Я не в гости, – сказал он, – и ты учти, что знаться со мной опасно.

– Не понял... – нахмурился Константин Андреевич.

– Его арестуют скоро, – спокойно сказала Нестеренко, – а потом и меня.

– Вот оно что... – протянул Вершинин. – А я-то думаю, с чего бы вдруг товарищ майор в паричке? Да вы кушайте, кушайте...

– Мы кушаем, кушаем...

Слопав бутерброд с ломтиком колбасы, Иван сказал:

– Я видел на поле новые «Яки»... Если мы с Машей перегоним парочку в Западный округ, ты не будешь против?

Вершинин озадаченно потер ухо.

– Я думал, вам помощь нужна...

– А это и выйдет помощь, Костя. Я тебе главную новость не сообщил... Послезавтра будет война.

Костя побледнел.

– С немцами? – глухо уточнил он.

– С ними.

Вершинин с ходу выдул стакан чая без сахара.

– Не то пью, – сказал он с отвращением. – Ох, ты... До меня только сейчас дошло! Вы, что же, воевать намылились?

– Именно, – подтвердила Мария.

Начальник курсов тоскливо выматерился, после чего попросил прощения.

– Самой охота выразиться, – отмахнулась Нестеренко.

– Когда собираетесь лететь? – деловито спросил Вершинин.

– Как только дашь «добро».

– Добро! – выдохнул Константин Андреевич.

Переодетых в военную форму Жилина и Нестеренко подвезли «на Венеру» в скромной «эмке».

За рулем сидел сам Вершинин.

– Эти «Яки» поновее, – говорил он, – у них и дальность побольше. Все равно до Минска на одной заправке не долететь. Сядете на Смоленске-Северном, я договорился уже, вас там заправят. Поспите маленько... Это приказ, товарищ генерал-лейтенант – чтобы без ночных полетов!

– Слушаюсь, – улыбнулся Жилин.

– Вот... А дальше...

– А дальше видно будет, – решительно заключил Иван.

Выйдя на поле, он крепко пожал руку Косте.

– Спасибо тебе.

– Не за что, – криво усмехнулся Вершинин.

Жилин обошел «Як-1» кругом. Неплохая машина, в принципе.

«Мессер», правда, ее обгонит, особенно на вертикали, да и вооружение слабовато – пара пулеметов и 20-мм пушка.

Но все равно – воевать на ней можно. И вовсе не гроб...

Кивнув технику, Иван Федорович нацепил парашют и залез в кабину. Глянул на соседний истребитель – Мария сосредоточенно оживляла машину.

– От винта!

– Есть от винта!

Зашипел воздух, проворачивая мотор, и тот, чихнув, завелся, зарокотал, пуская дрожь по корпусу.

Жилин расплылся в улыбке – да ради одного этого взлета стоило провалиться на семьдесят лет в прошлое!

Истребитель качнул крыльями, подаваясь вперед, выкатился на полосу, взревел на больших оборотах, разогнался, задрал нос...

Отрыв!

Иван набрал скорость, набрал высоту – вся Венера под ним.

А вон и Липецк.

Оглянувшись, Жилин различил Машин самолет, шедший ведомым. Его «Як» с номером «02» покачал крыльями, Нестеренко ответила.

Курс – на запад!

Глава 4

Медиум

В самом опасном районе Западного Особого военного округа – в Белостокском выступе – действовала 3-я армия со штабом в Гродно, подкомандованием генерал-лейтенанта Кузнецова.

В распоряжении генерал-лейтенанта имелись пять стрелковых дивизий и 11-й мехкорпус (две танковые и одна моторизованная дивизии).

Надо отдать должное Кузнецову – через месяц после начала войны он смог вывести полтыщи вооруженных красноармейцев и командиров частей, с боями прорываясь к своим.

Пожалуй, именно 3-я армия угодила под главный удар гитлеровской группы «Центр» – бойцы генерала Кузнецова встретили 3-ю танковую группу генерала Гота и 9-ю полевую армию генерала Штрауса, поддержанных 2-м воздушным флотом Люфтваффе. А 3-ю армию прикрывала с воздуха 11-я смешанная авиадивизия под командованием полковника Ганичева.

В составе 11-й САД находились два истребительных полка.

127-й ИАП, имевший на вооружении «И-153», базировался в Скиделе и Лесище, а 122-й ИАП (сплошь «И-16») размещался на полевом аэродроме Новы-Двур и на базовом в Лиде.

Третий по счету, 16-й скоростной бомбардировочный полк, находился на аэродромах Желудок и Черлёна – там стояли старые бомбовозы СБ и новые «Пе-2».

План у Жилина был прост, как столовая ложка: заставить полковника Ганичева, хотя бы под дулом пистолета, привести всю матчасть в полную боевую готовность – к утру 22 июня самолеты должны быть заправлены и снаряжены боекомплектom.

Чтобы пилоты сидели в кабинах, прогревая моторы, готовясь взлететь и бить врага.

Это была программа-минимум.

Программа-максимум предполагала гораздо больший охват – привлечение истребителей и бомбардировщиков на ближайших аэродромах – в Кватерах, Росси, Оранах, Каролине и так далее.

Было бы совсем здорово, кабы удалось поднять в воздух те двести с лишним истребителей «МиГ-3», что имелись в ЗапОВО.

Впрочем, и на «И-16» можно было драться с фашистами.

Хоть этот истребитель и устарел, но вооружен был неплохо, и в опытных руках будет опасным противником для «Ме-109».

К полудню 21 июня два «Яка» сели на аэродром Новы-Двур.

С юга поле подпиралось лесным урочищем «Хвуйновщизной», а к северу проходили шоссе и железная дорога на Августов.

Когда-то аэродром был именем польского помещика-пилота и назывался «Бобра Велька». Мироед устроил запруду на реке Бобр, от которой шла липовая аллея к господскому дому – небольшому двухэтажному строению, а дальше простиралась обширная квадратная поляна, километр на километр – полевой аэродром.

Сверху были видны «ишачки», выстроившиеся на стоянке, ряды палаток, полосатая «колбаса» ветро-указателя.

Взлетно-посадочная полоса проходила с востока на запад, так что круги вить не пришлось, Жилин сразу пошел на посадку. Ведомый, вернее, ведомая села следом.

Первым, кто подбежал к «Якам», оказался старый знакомец Жилина – Сергей Долгушин.

Увидав, кто вылезает из кабины, Долгушин выпучил глаза и вытянулся во фрунт.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – отбарабанил он.

– Вольно, Сергей Федорович, – улыбнулся Иван.

Долгушин слегка растерялся.

– А-а...

- Слухом земля полнится. Кто тут из начальства?
- Да все! Даже комдив залетел.
- Ганичев?
- Он самый, товарищ генерал-лейтенант.
- Отлично... Маша! Ты как?
- Нормально! – отозвалась Нестеренко.
- Моя жена, – представил ее Жилин. – Ну что, товарищ младший лейтенант? Пошли. Завтра у нас, у всех трудный день...
- А что завтра, товарищ генерал-лейтенант?
- Война.
- Долгушин молчал до самого штаба.
- Все знали, что война вот-вот начнется, и товарищ Сталин в мае еще призывал летчиков к боям готовиться, а все ж неожиданно это.
- Война...
- Товарищ генерал-лейтенант, а командующий округом приказал пушки поснимать с самолетов и ящики с боеприпасами!
- Расстрелять его за это надо, сволочь такую!
- Небрежно козырнув вскочившему дежурному, Жилин прошел прямо в кабинет командира полка.
- Все были там – командир 122-го ИАП полковник Николаев, комдив Ганичев и его зам Татанашвили, тоже полковник. При появлении Ивана все подтянулись.
- Здравствуйте, товарищи, – спокойно сказал Жилин и спросил у Николаева, показывая на телефон: – Вы позволите? По ВЧ?
- Да, да, конечно!
- Позвонить в Москву через Минск получилось, а кремлевский номер Сталина Иван помнил, как пин-код карточки «Сбербанка».
- Этот номер был открыт, вождь оставался в «зоне доступа» – любой мог позвонить Иосифу Виссарионовичу. Правда, не все решались...
- В трубке шелкнуло, и послышался глуховатый голос:
- Сталин слушает.
- Иван коротко выдохнул и начал:
- Товарищ Сталин, это Павел Рычагов. Я был дурак, и даже не прошу прощения за ту выходку. Я нанес вам оскорбление, которое смывается только кровью, и скоро у меня появится прекрасная возможность пролить ее... Вы получили пакет из Липецка, товарищ Сталин?
- На секунду зависло молчание, а потом вождь осторожно спросил:
- Какой пакет?
- Пакет, а в нем конверт с общей тетрадью – такая, в холщовом переплете!
- Прикрыв трубку ладонью, Жилин сказал тихонько:
- Товарищи, вы не могли бы оставить кабинет? Так надо.
- Все только закивали и на цыпочках вышли.
- Откуда вы знаете про тетрадь, товарищ Рычагов?
- Это я передал ее.
- Ви?! – от волнения у Сталина проявился акцент.
- Все, что там написано, – правда, – заторопился Иван. – Я очень прошу выслушать меня, товарищ Сталин, даже если вам покажется, что я несу чушь.
- Я вас слушаю, товарищ Рычагов, – сухо сказал Иосиф Виссарионович.
- Вы верите в медиумов, товарищ Сталин?
- Ви хотите визвать духов? – в голосе вождя чувствовалась насмешка.

– Нет. Просто так вышло, что я... вызвал... м-м... ну, пусть духа, но только из будущего. Это летчик, полковник в отставке, его убили в 2015 году. Все, что написано в тетради, – это от него. Все – правда. Завтра начнется война с фашистами... Товарищ Сталин! Я прекрасно понимаю, что вам трудно поверить мне, да и не должны вы верить – тут знать надо, за вами же страна, народ! Но я могу доказать, что все, изложенное мною, истинно. Сегодня, 21 июня, ровно в полдесятого вечера, Молотов примет в своем кремлевском кабинете посла Германии Шуленбурга по поводу нарушений границы СССР немецкими самолетами. Сегодня же, только раньше, в двадцать семь минут шестого, он зайдет к вам в кабинет. Молотов, я имею в виду. В пять минут восьмого придут члены Политбюро – Ворошилов, Берия, Маленков. Пригласят Тимошенко, Кузнецова и Жукова. Кстати, Жуков сообщит вам о звонке начштаба Киевского военного округа Пуркаева, который доложит ему – мол, к пограничникам вышел перебежчик, немецкий фельдфебель, и выдал совсекретные сведения о том, что немецкие войска выдвигаются в исходные районы для наступления. И в первом часу ночи вы прикажете направить директиву войскам – о приведении в полную боевую готовность. Пожалуйста, товарищ Сталин! Вычеркните из нее второй пункт – «не поддаваться на провокации»! Немцы ударят всеми силами, и тут промедление смерти подобно! Прикажете дать немедленный отпор всеми средствами, а уж мы им врежем!

Сталин подышал в трубку и спросил:

– Где вы находитесь, товарищ Рычагов?

– Мне бы не хотелось раскрывать свое местонахождение... 24 июня меня приказано арестовать. Верно? Признаю, что виноват – видел, что в ВВС развал, но так и не сделал «работу над ошибками»... Я в семнадцати километрах от границы, товарищ Сталин, и намерен встретить врага лицом к лицу. Тот дух... из будущего... Он не просто рассказывал – я видел то, что он помнил, что пережил. Я знаю, что завтра утром миру – конец.

Вождь помолчал и сказал:

– Хорошо, товарищ Рычагов. Мы подумаем над вашими предложениями. До свидания.

– До свидания, товарищ Сталин.

Жилин осторожно положил трубку на аппарат, словно она была из тонкого стекла, и поник слегка, скидывая напряг. Главное сделано – пакет у вождя. Вопрос: поверит ли Сталин откровениям «духа»? Хотелось бы, конечно...

Да пусть хоть что-то, хоть как-то изменится к лучшему!

Тяжело поднявшись, Иван вышел в коридор.

Командование стояло и смотрело на него, не мигая, как бандерлоги на питона Каа. Жилин обвел глазами всех.

– Завтра утром, товарищи, немецкие войска перейдут в наступление по всему фронту, от Черного моря до Баренцева. На нашем участке врага надо ждать в два тридцать. Налет вражеской авиации состоится в полчетвертого утра.

– Война? – разлепил губы полковник Николаев.

– Война.

Глава 5

Шифр 235⁶

– Директива о приведении войск в полную боевую готовность поступит, думаю, лишь после полуночи, – говорил Жилин, упираясь руками в стол, на котором была расстелена карта. – Дождаться ее нельзя, вы тут... простите, мы тут – на переднем крае. Командующего округом расстреляют за бездействие и разгильдяйство, но нам от этого легче не станет. Я и сам в свое время намудрил изрядно – сократил техников, дурак... Вот поэтому я и здесь сейчас – буду делать «работу над ошибками». Товарища Сталина я поставил в известность о плане «Барбаросса» – так немцы называли свое вторжение в СССР. Сила на нашем участке двинет громадная – многие сотни танков, полторы тысячи самолетов. Сдержать эту орду мы не в силах – будем отступать с боями, перемалывая немчуру. Не хмурьтесь, товарищ Ганичев, – ни одна армия мира не способна устоять под напором ста восьмидесяти трех дивизий! Мы обязательно перейдем в наступление и разобьем немцев, но не раньше следующего года. Враг очень силен, на него пашет вся Европа! Вот и давайте думать, как нам нанести ему урон, да посерьезнее. Мудрить не будем. Прежде всего необходимо проверить самолеты, заправить, вернуть «стволы» и боеприпас. К двум часам утра все эскадрильи должны быть готовы к вылету. Никаких увольнений и выходных! Все пилоты должны находиться на аэродромах, а в два тридцать – сидеть в машинах с прогретыми моторами. Взлет по тревоге. Наша задача – прикрыть с воздуха части 3-й армии. 3-я армия, 4-я и 10-я находятся в самом гребном месте – в Белостокском выступе, и гибнуть станут первыми. Поэтому, чем больше мы собьем немецких самолетов, тем дольше продержатся танки и пехота, тем больше наших спасется. А у бомбардировщиков задача будет другая – бомбить. Бомбить немецкие аэродромы, а наши истребители будут их сопровождать. Кстати, те гитлеровские бомбовозы, что отправятся сбрасывать бомбы на Минск, полетят без прикрытия – немецким истребителям не хватит топлива вернуться. Поэтому будем их «спускать». Тот же приказ и зенитчикам – сбивать к такой-то матери все, что с крестами на крыльях! Только пусть наши «пешки» с «Юнкерсами» не перепутают. И последнее. Все здешние аэродромы немцам известны, и все они подвергнутся бомбежке. Поэтому будем иметь в виду – если нет возможности сесть на «своем», летим на запасные. Для 122-го – это Городец, для 127-го – Щуцин, для 16-го – Приямино. Вопросы есть? Вопросов нет.

Нашлись в 11-й САД и те, кто счел Жилина в образе Рычагова «паникером и провокатором».

Однако дозвониться в штаб округа бдительные товарищи не смогли – спасибо немцам. Диверсанты из отряда «Брандербург-800» резали телефонные провода «по-стахановски».

Зато «послы» жилинские – Татанашвили и начштаба 11-й САД Воробьев – вылетали на «У-2» в Кобрин договариваться с полковником Беловым, командующим 10-й смешанной авиадивизией, прикрывавшей 4-ю армию, и в Белосток, где находился штаб 9-й САД.

На ее командира, генерал-майора Черных, Иван делал особую ставку – за 9-й САД числилось более четырехсот самолетов, по большей части новейших «МиГ-3».

Базируясь на аэродромах Белосток, Себурчин, Долобово, Тарнава, Высоке-Мазовецке, истребители 9-й САД могли хорошенько растрепать 2-й воздушный флот Люфтваффе.

Генерал-майор, правда, товарищ был упертый – потребовалось вмешаться генерал-лейтенанту Рычагову. Тут Жилин пошел на маленькую хитрость: сказал, что директива из Москвы запаздывает и что лично Сталин послал его донести приказ лично.

⁶ Цифровое обозначение полевого аэродрома Новы-Двур, в 20 км от Гродно.

Черных в раздраенных чувствах позвонил Ганичеву, и тот с жаром подтвердил: Рычагов при нем звонил Сталину.

И командующий 9-й САД «сдулся». Но уж теперь, когда сомнения были отброшены, он развил бешеную деятельность, отменяя ранее отданные идиотские приказы.

То же было и с Ганичевым. К примеру, в 122-м полку вставляли обратно снятые ранее авиапушки.

Нет, это ж додуматься надо было – поснимать пушки со всех «И-16»! И это был приказ командующего округом...

Как после этого не заподозрить его в предательстве?

А пушку вставить в крыло непросто. Оно же неширокое!

И вот туда пушку в двадцать кило – обдерешь все руки, а там центроплан прикрыт дюра-лем, и люк, куда пушку совать, и все на шпильках!

Возвращались из увольнений пилоты и зенитчики, эскадрильи и ПВО получали боеприпасы, техники бегали, как наскипидаренные, починяя самолеты, заправляя их, готовя к вылету.

С громадных складов в Гродно, Белостоке, Бресте, Августове вывозились снаряды, патроны, оружие, топливо.

То, что было необходимо сделать еще месяц назад, тыловые службы умудрялись провернуть за день. Авральные работы шли от Кобрина до Лиды, а Жилин молился про себя богу, в которого не верил, чтобы только ничего не помешало авралу.

Когда его «У-2» сел на поле Нового Двора, Иван буквально выполз из самолета. Мария с Серегой Долгушиным тут же взяли шефство над загнанным генерал-лейтенантом: устроили ему настоящую баню, переодели, накормили и спать уложили – прямо в палатке 2-й эскадрильи. Жилин отрубился мгновенно.

Три часа спустя, ровно в полночь, он встал. Очень хотелось спать, но некогда было подушку давить.

Спасибо Маше, благодатный отдых вернул силы. А сонный вид легко снимается холодной водой.

Умывшись, утеревшись «полотенцем пушистым», Иван быстро оделся – в чистое и выглаженное! – и направился в штаб полка.

И очень вовремя. Едва запаренный полковник Николаев козырнул, как тут же рука его потянулась к зазвонившему телефону.

– О! – удивился он. – Неужто починили?

Подняв трубку, Александр Павлович коротко сказал:

– Полковник Николаев слушает. – В следующую секунду он побледнел, вставая. – Д-да, товарищ Сталин, здесь. Слушаюсь! – протягивая трубку Жилину, комполка шепнул: – Вас!

Иван принял трубку, чувствуя, как сердце участило пульс – скоро многое решится...

– Слушаю, товарищ Сталин.

– Значит, мы верно вычислили ваше местонахождение, товарищ Рычагов, – в голосе вождя звучало удовлетворение. И тут же зазвенели металлические нотки: – Что ж, надо признаться, медиум из вас неплохой – явление товарища Молотова угадали до минуты. А это уже не отгадка, не фокус-покус, а знание. Дух из будущего... Хм. Мы разослали директиву в десять вечера, товарищ Рычагов. Там нет ни слова о провокациях, только приказ – сражаться до последнего патрона, до последнего бойца.

– Спасибо, товарищ Сталин.

– За что? За то, что мы людей на смерть посылаем?

– Лучше смерть, чем позор.

– Ладно, товарищ Рычагов, – неожиданно мягко сказал Иосиф Виссарионович. – Мы вас пока не простили, но все же не рискуйте зря. Вдруг да понадобится вызвать «духа» из будущего! Идите и воюйте.

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

В трубке зазвучали гудки.

– Директива разослана, Александр Палыч, – сказал Жилин. – Узнайте, как там в Лиде. Получили уже?

Николаев набрал номер.

– Штаб? Алло! Это штаб? Почему не выходите на связь? Да! Директива получена?

Сквозь треск помех до Ивана донеслось тоненькое «Так точно!».

– Зачитайте!

Жилин следил за лицом полковника. Лицо светлело...

...В полтретью с запада докатились раскатистые громы – это палили немецкие орудия, перебрасывая снаряды через границу СССР.

Война началась.

– Объявляй, товарищ полковник, – сказал Жилин подсевшим голосом.

– Внимание всем! – зычно скомандовал Николаев. – Объявить боевую тревогу! Тревога!

Помощник-сержант сорвался с места, уже на бегу крикнув «Слушаюсь!».

– Горнист! Сирену!.. Рассыльный! Бегом на станцию, дать гудок! Помощник! Обзвонить все эскадрильи, батальон аэродромного обслуживания, караулы, посты ВНОС⁷. Поднять по боевой тревоге!

Дежурные красноармейцы разбегались, выполняя приказания.

Пронзительно взвыла сирена. Схватив винтовку, выскочил рассыльный. Заурчал отъезжавший мотоцикл – воевавшие в Испании пилоты привезли их оттуда.

Жилин засел за телефон и битый час обзванивал все ближайшие аэродромы, пока связь не прервалась, – то ли снова диверсия, то ли взрывом перебило провод.

– Командуй, товарищ полковник, – сказал Иван, кладя трубку, – а я в машину.

Покинув штаб, он огляделся. Быстро светало.

В серевшем мраке становились различимы ближайшие деревья, смутно выделялись кургузенькие «И-16».

Лагерь давно проснулся, но никто не бегал, создавая суету – все давно были у самолетов, на своих постах.

К Жилину приблизилась Маша, прижалась на секундочку, обнимая за рукав.

– Ну, вот и все... – молвила она. – Началось.

– Ничего, товарищ майор, – улыбнулся Иван, приобнимая женщину за плечи, – как началось, так и закончится.

С треском распахнулось окно, и Николаев заорал:

– Сраное ВНОС! Повеяло им, что ли?! Самолеты противника на подлете! Первая и вторая эскадрильи – на взлет! Третья и четвертая эскадрильи – по самолетам!

Жилин резко обернулся в сторону запада. Надо же, чуть было не проморгал нападение!

Гул моторов накатывал с запада, нарастая, дрожа басовой струной. Низко над горизонтом, растянутой неровной цепочкой, шли самолеты Люфтваффе. За первой волной показалась вторая, погуще.

– По машинам, Котя! – быстро сказал он, и Мария кинулась к «Яку» с ясно видимым номером: «05».

Иван буквально взлетел на крыло своей «двойки» и прыгнул в кабину. Подбежавшие техники завопили:

– Та-ащ генерал! Парашют!

– Некогда! Контакт!

– Есть контакт!

⁷ ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение, связь.

– От винта!

Механик, следивший за тем, не бежит ли масло, пробасил:

– Есть от винта!

– Воздух!

Прошипел опустошаемый баллон, толкая воздухом цилиндры. Лопасти лениво провернулись, завертелись, и вдруг разом убыстрили свое кружение – «Як» взревел жадным зверем.

Охота! На охоту! Бить буду! Рвать и терзать!

– Убрать колодки!

Истребитель покатил по траве, набирая скорость, ввинчиваясь пропеллером в тугой летний воздух. Оторвался от земли и стал набирать высоту.

«Ишачки» 1-й и 2-й эскадрилий уже неслись навстречу врагу, набирая высоту.

И вот с налетающих «Юнкеров» часто-часто засверкали ярко-красные вспышки огня, в незнакомый надрывной гул моторов вплелся треск пулеметов.

Жилин механически глянул на часы: они показывали три часа сорок семь минут.

Время пошло.

С. Зубенко, курсант учебной батареи 75-го гаубичного артполка 27-й стрелковой дивизии:

«И вдруг от августовской твердыни до самой Ломжи вспыхнули ракеты. Густо, густо разрастался фейерверк вспышек. Но это уже были не всполохи ракет, а вспышки орудийных залпов. Сперва огонь, потом раздирающий грохот... Словно разряды в страшную грозу. А на небе ни единой тучки. Гроыхало повсюду. Смерть неслась с захлебывающимся воем снарядов. В колонне оживление. Что-то неведомое хлестнуло по движущимся. Конные упряжки перешли на рысь, и смешанный топот стал заглушать раскаты артиллерийских залпов. Мы не просто двигались, а мчались навстречу своей судьбе...»

В. Каменщиков, лейтенант, 41-й ИАП:

«21 июня приехал с аэродрома домой. Жена, сын Руфик, отец за день до этого приехал из Сталинграда ко мне в отпуск.

Вечером пошли всем семейством в театр. Пришли домой, поужинали, легли спать. Жена ночью меня будит: «Авиация над городом летает». Я говорю ей: «Маневры». Однако вышел на крыльцо посмотреть... Нет, не маневры.

Светло от пожаров, взрывы и дым над железной дорогой.

Оделся и пошел на аэродром. Только пришел, а меня сразу посадили на самолет и я над Белостоком встретил двух «Мессеров». Одного я сбил, второй ушел, а у меня патронов нет. Навстречу новое звено...

Взорвали они мне два бака, а под сиденьем третий бак.

Меня как из ведра огнем облило, растянул ремни и выбросился на парашюте. Костюм горит, в сапоги налил бензин и тоже горит, а мне кажется, что я не опускаюсь, а вишу на одном месте.

А «Мессеры» заходят, очередями пулеметными по мне...

Тут мне немец помог. Я висел как раз над водой, а «худой» перешиб очередью стропу моему парашюту.

Я прямо в воду свалился и потух сразу...»

Часть вторая Воин

Глава 1 Самый долгий день⁸

Истребителю, можно сказать, «повезло» – на аэродроме нашлись бочки с высокооктановым бензином, которым питался мотор «Яка». Заправили по полной.

И боеприпаса хватало – только стреляй. И рация стояла.

Пока они с Машей летели из Липецка, пару раз связывались. Можно было бы и чаще, но треск помех глушил голос.

Жилин набрал высоту, сделал «горку» и вошел в пике.

Девятка немецких бомбардировщиков летела ниже – «кого хочешь выбирай».

Иван выбрал ведущего, и обстрелял «Юнкерс-88», замечая вспышки разрывов на флангах – зенитчики старались.

Надо полагать, немцы не ожидали застать ПВО в боеготовности.

Во всяком случае, один из бомбовозов – точно.

Снаряды зенитных орудий расколошматили ему левый двигатель и оторвали половину крыла – «Юнкерс» закувыркался вниз, просыпая бомбы, словно обгадясь.

Стрелки с ведущего открыли бешеный огонь, но «Як», пользуясь утренними сумерками, миновал заслон. Истребитель затрясся, посылая трассеры, – опыта у Жилина хватало.

Кабина бомбардировщика, напоминая «жучиный глаз», разлетелась, и самолет начал валиться на крыло. Пулеметчик из подфюзеляжной гондолы дал очередь, но мимо.

Подбитый «Юнкерс» на всей скорости врезался в землю с краю леса, подходившего к Новы-Двур с юга, и лопнул, как кокнутое яйцо, полыхнул огненным облачком.

Отара бомбардировщиков, потеряв вожака, тут же сломала строй – самолеты расплзались, вываливая бомбы, и, облегчившись, заворачивали на запад, «до дому».

Кургузенькие силуэты «И-16» бросились вдогонку. «Ишачки», вооруженные парой пушек и двумя пулеметами, накидывались на «Юнкерсы» сразу звеньями.

Вот полыхнул один бомбардировщик, вот другой врезался в берег речушки Бобр. Воздушный бой длился какие-то секунды, и до пилотов «Мессершмиттов» не сразу дошло, что русские «недочеловеки» валят их подопечных. Но вот закрутилась карусель, и сразу два «ишачка» разбились на своей земле – ближе к железной дороге на Августов.

Жилин завертел головой, высматривая пятый номер, и вскоре обнаружил машину «Як» – Нестеренко сцепилась с двумя «Мессерами».

– Маша, я на подходе! Держись!

– Д-держусь... – прорвалось сквозь треск помех.

Иван стал набирать высоту, издали выдав очередь по одному из машинных противников. Тот сразу отстал – и угодил под пару «эрэсок», пущенных с «И-16».

Одна из неуправляемых ракет всего-то кончик кия оторвала немцу, зато вторая ударила в двигатель – пламя пыхнуло факелом.

И готово дело.

⁸ В данной главе автор использовал записки подполковника запаса П. Цупко и генерал-майора И. Вишнякова.

«Ракетносец» тут же выпустил остаток РС по сбившимся в кучу «Юнкерсам». Те шли густо, и промашки не было – сверкнуло пламя, а после облако огня обозначило подрыв бензобаков.

Еще одного долой...

Жилин развернулся, выцеливая назойливого «ухажера» – желтоносого, с намалеванным орлом на капоте, и в ту же секунду «Мессершмитт» сам открыл огонь.

«Як-1» с номером «05» вспыхнул сразу, огонь охватил мотор, кабину и консоль правого крыла.

– Котя...

– Прыгай, прыгай! Машка-а!

– Я не...

Огненной кометой «Як» слетел с небес.

– Суки! – заорал Жилин, вжимая гашетку.

Очередь прошла мимо – немецкий пилот увернулся хитрым переворотом.

– Так ты у нас эксперт⁹... – выцелил Иван.

Летчик, сбивший Марию, выполнил боевой разворот, нацеливаясь на Жилина.

«А вот хрен...»

Маша имела очень неплохой навык, полученный в авиации особого назначения, но его не хватило. Эксперт крутился в небе весьма профессионально, полет его «Мессершмитта» был красив – своей отточенностью, когда истребитель движется, не одолевая ни единого лишнего метра, не кренясь ни на градус сверх меры, заданной пилотом.

Жилин собрался.

Атака с «горки» немцу не удалась – Иван успел отвернуть и атаковал сам.

Мимо. Ла-адно...

Набрав на снижении скорость, Жилин ушел в полупетлю и с переворота выпустил очередь.

Ага! Задел!

Тут же на Ивана свалилась сразу четверка «Мессеров», атаковавших его на пересекавшихся курсах. Жилин ушел от двойной атаки змейкой с набором высоты. Сваливаясь в пике, он срезал одного из ведомых, и его ведущий сильно обиделся.

Но обида длилась недолго – Иван на скорости зашел ему в хвост и почти отчекрыжил крыло.

Готов. И в боевой разворот.

Вторая пара ушла со снижением, решив не связываться.

Где этот сраный эксперт?

Эксперт заходил сверху, пристреливаясь – трассеры проходили в стороне.

Жилин увел «Як» в правое скольжение, потом влево креном.

Не жалея движок, вырвался вверх, круто виража. Вжимаясь в бронеспинку, Иван ощутил, что вспотел изрядно – загонял этот эксперт, – ни на мгновение нельзя было снять напряг, постоянная сосредоточенность.

Следующая в очереди четверка взялась за Жилина всерьез, видать, тот ас задрипанный у них командир. Начали заходить и с одной, и с другой стороны, и сверху, и снизу.

Иван едва успевал уходить, крутился между шнурами трассеров, как дурной птах в высоковольтных проводах, – шарахался, вертелся и чуть ли не кувыркался. Все же пару коротких словил, через борта ощущая попадания. Пустяки, дело житейское, лишь бы мотор уцелел да планер слушался...

⁹ В Люфтваффе понятия «ас» не существовало, опытных пилотов называли экспертами.

Один из «Мессеров» нарвался, задымил мотором, отвалил, зато его ведомый, очень злой, но не слишком опытный, полез поперек бабки в пекло – и очень хорошо вписался в прицел.

Прямое попадание... Взрыв.

Так тебе и надо. А вот и наш эксперт нарисовался...

Истребитель стонал, скрипел, выходя из сумасшедшего виража на предельной перегрузке, темнившей зрение.

Попался!

Очередь!

Снаряды порвали экспертовскому «Мессеру» хвостовое оперение, и, «ощипанный», истребитель посыпался вниз, почти над самым аэродромом. Распустился белый купол парашюта, но немецкий пилот не долетел до земли – Иван срезал его из пулемета.

Если бы Маша сама спаслась, тогда ладно, пусть бы жил, сволочь летучая, а так... Приговор приведен в исполнение.

Сзади пронеслись светившиеся шнуры очередей, и «Як» ушел переворотом вниз.

Поверху пронесся «Мессершмитт», мелькая светлым брюхом.

В него-то и вошла порция снарядов. Немецкий истребитель полетел дальше, не вспыхивая, не пуская черный шлейф, но пилотировать его уже было некому – «худой» зарыскал и свалился в штопор.

Туда тебе и дорога.

Истребители 122-го полка здорово проредили первую «волну» Люфтваффе, но тут же в чудовищном прибое накатилась следующая.

Силы защитников таяли, а напавшие перли и перли – черная стая с крестами на крыльях неслась навстречу солнцу.

Жилин оглянулся.

Снаряды кончались, топливо тоже, но нанести ха-ароший ущерб «фашистской силе темной» еще можно. И «Як» развернулся навстречу паре «Мессершмиттов», атакуя в лоб.

«Вот так вот, Пашка! И никакого тебе «гаме овер».

При посадке истребитель чувствительно трянуло – не получилось объехать воронку на полосе, задело хвостовым колесом.

– Живо, ребята! – заорал Жилин, выбираясь на крыло. – Бензин, снаряды, патроны! Проверить масло!

Техники забежали, заскрипели насосы, загремели цинки с патронами. Посреди всей этой суеты Иван выглядел лишним – он медленно прохаживался, разминая ноги, да поглядывал на небо. Пока что неприятель не показывался. Вернее, немецкие самолеты пролетали звеньями и эскадрильями-штаффелями, но далеко – им было что бомбить, кроме Нового Двора...

Хромая, приблизился Долгушин. Он был встрепан и смущен.

– Там... это... – выговорил он. – Жена ваша, товарищ генерал...

– Вытащили? – разлепил Жилин губы, продолжая шарить глазами по горизонту.

– Да... Обгорела очень...

Пилот смолк, как-то сжавшись. Видимо, посчитал, что сболтнул лишнее, но Иван лишь положил ему руку на плечо и коротко сказал:

– Спасибо.

– Вот оно как бывает... – пробормотал Долгушин и шмыгнул носом.

– Бывает... Ладно, пойду. Надо хоть какой-то гроб спроворить.

– Я щас ребят позову!

Общими усилиями выкопали могилу под деревьями, техники сколотили гроб. Иван поднял на руки удивительно легкую Марию, плотно замотанную в парашютный шелк – только лицо и шея убереглись от огня – и бережно перенес на смертное ложе.

Поцеловал в лоб и стянул с себя шлем.

– Спи спокойно, – глухо проговорил он. – Твой противник сдох. Их еще много сдохнет, я тебе обещаю. Я буду за тебя мстить, пока жив, а убить меня – это хлопотно.

– И мы, – сдавленным голосом выговорил Долгушин, – мы тоже будем мстить. Клянемся!

– Клянемся! – повторили пилоты, собравшиеся кругом.

Жилин вытащил из кобуры «ТТ», трижды выстрелил в воздух.

Гроб медленно опустили, и вот послышался звук, от которого мороз по коже – по крышке глухо ударили комья земли. До чего же это мерзкое занятие – хоронить молодую женщину!

Летчики закопали могилу и навалили сверху камни. Памятником стала верхушка исковерканного кия со сбитого «Мессершмитта» – полковник Николаев нацарапал на дюрале: «Мария Нестеренко, 1910–1941».

Иван напялил шлем и выдохнул:

– По самолетам!

Запрыгнув на крыло, Жилин принял парашют, протянутый техником, и устроился на сиденье. Да, с ПЛ-1 помягче как-то...

– От винта!

Мотор не успел толком остыть и завелся сразу. «Поехали!»

«Як» взлетел и потянул вверх, вверх...

Оглядевшись, Иван увидел, как с запада подлетают три девятки «Юнкерсов». Они шли прямым курсом на Новы-Двур, перли с натужной неторопливостью коней-тяжеловозов, а ниже и выше крутились «Мессеры», словно пастухи при стаде.

«Ч-черт...»

И не передашь ничего по радио – некому. На земле – сплошь «И-16», а на них раций вообще нет и не было!

Жилин заложил вираж над аэродромом, покачал крыльями, и его, кажется, поняли – вон, побежали летчики к своим «ишачкам».

А Иван полетел навстречу «Юнкерсам» в гордом одиночестве.

Холодок протек по спине.

Если за него возьмутся сразу три-четыре «худых», то тут уж как ни крутись, а все равно не вывернешься – собьют. Но продержаться чуток – это можно, а там и «долгушинцы» пожалуют.

И один в поле воин...

«Як-1» набирал и набирал высоту. «Мессершмитты» его игнорировали, мелочь пузатую. Скорее всего «Яковлевым» они займутся немножко погодя, когда сопровождают бомбовозы и те опорожнятся.

А пока – пушай полетает...

Жилин сжал зубы и свалил самолет в пике. С высоты да на скорости мир воспринимался малость иначе – все, что ниже, двигалось замедленно и виделось четко.

«Як» падал на добычу почти вертикально, и «Мессеры» забеспокоились – наверное, решили, что русский пошел на таран.

Ага, щаз-з, как зять говаривал. Нет уж, в камикадзе он не записывался. Герой не тот, кто жизнь отдает, а тот, кто отнимает жизни у врага. Много жизней...

Неповоротливые «Ю-88» встретили «Як» светящимися строчками очередей, но стрелять – это одно, а вот попасть – совсем другое.

Иван выбрал цель – ведущего девятки бомберов – и выпустил по нему короткую очередь из пушки. Снаряды разворотили кабину, прошли по фюзеляжу, растворяя рваные дыры, а в следующую секунду прицел усталился на узкий, будто сплюснутый корпус «Мессершмитта».

Палец сам вжал гашетки, и «худой» взорвался, рассыпаясь в воздухе – крылышко направо, хвостик налево...

«Як-1» нырнул в неширокую «щель» между двумя подбитыми самолетами, понесся к близкой земле и стал круто выворачивать по дуге вверх.

Перегрузка насела такая, что глаза словно кто ладошками прикрыл, а ребра вминали коленом. Однако молодой организм пересилил навалившиеся «же» – Жилин затрудненно вдохнул, а тут и мга перед глазами расплылась.

«Як-1» несясь вверх, а вот «Ю-88» падал вниз. «-Ме-109» уже долетел – вошел в землю по самый хвост, и только огонь расходился круговой волной.

Выворачивая, Иван поймал в прицел брюхо еще одного «худого», которого к земле потянуло, и всадил ему ха-арошую порцию горяченького металла. Распотрошенный, «месс» закувыркался вниз.

Немецкие истребители, вившиеся над «Юнкерсами», устремились было к нарушителю «орднунга», но тут Жилину «помогли» бомбардировщики – потеряв жоака, стадо разбрелось, спасалось от одинокого волка. Сбрасывая бомбы куда попало, «Ю-88» разворачивались, создавая сутолоку в воздухе, и пилот «Яка» решил воспользоваться моментом – запустил очередь одному из бомберов, расколотивая тому левый двигатель.

«Юнкерс» стал уходить на правом, но далеко не улетел – кабина «88-го» была неплохо бронирована, и поразить ее сзади не всегда удавалось, зато моторы вообще никак не защищались. А рядышком – крыльевые баки. Они-то и не выдержали грубого обращения – полыхнули. И левое крыло оторвалось, пролетев мимо «Яка» гигантским секачом. Пронесло...

А бомбовоз ухнул вниз, беспорядочно кувыркаясь. Всего одна черная фигурка сумела выбраться наружу, но парашюта так и не раскрыла – вероятно, немца контузило. Ну, так ему и надо.

После начала боя прошли, промелькнули какие-то минуты.

И вот они, «Мессеры» – злые и кровожадные, налетели со всех сторон. «Як» попал под перекрестный огонь, но Жилин выкрутился, уходя «бочкой» с лихим, крученым «подвыповым вертом».

В крыльях появились дыры, задело и фюзеляж, парочка увесистых пулек «прилетела» в бронеспинку, отдаваясь ёканьем в теле.

Довернув, Иван выпустил пару очередей, задевая сразу двух «Мессеров». «Ранил» только, не «убил».

И тут пришла подмога – «ишачки» набросились на немцев всей стаей.

«И-16» не могли соревноваться с «мессами» в скорости, в боях на вертикалях они тоже сдавали, зато никто не мог так быстро выразить по горизонтали, как «ишачки», да и вооружены тупоносые были основательно.

И полетели клочки по закоулочкам...

Н. Буньков, рядовой радиовзвода роты связи 286-й авиабазы:

«Фашистские самолеты непрерывно бомбили наш аэродром, наши самолеты, стоявшие, как солдаты в строю, ровными рядами по всему аэродрому (хотя приказом НКО было запрещено линейное расположение матчасти).

Летчики к четырем часам 22 июня были уже в кабинах самолетов, готовы к бою. Но ни один самолет не взлетел навстречу врагу, а фашисты без помех в упор расстреливали, бомбили и поджигали все самолеты, ангары, все аэродромное хозяйство. Представьте себе наше горе, отчаяние, недоумение...

На вопросы нам отвечали: «Нет приказа на взлет и борьбу с врагом. Это провокация, местный инцидент!»

И так продолжалось до 6 часов утра! Но вот оставшиеся целыми самолеты в 6 утра вылетели навстречу врагу, в бой. И как дрались! Мы не напрасно гордились своими летчиками».

Глава 2

Проходная «пешка»

Егор Чельшев, вчера только пригнавший новенький «Пе-2» на аэродром, спешил к самолету, матеря проклятых фашистов.

«Успею, успею...» – прыгало в голове.

Над головами, поливая опушку леса пулеметным огнем, неистово носились немецкие самолеты.

Тут недалеко, со стоянки второй эскадрильи, застрочили спаренные «шкасы»¹⁰ – это один из летчиков успел заскочить в кабину СБ и открыть огонь из носовой установки.

Немецкие истребители всей оравой накинудись на «эсбушку», и та развалилась от многочисленных попаданий.

Тут же задолбила зенитная батарея – ее вернули с учений буквально этой ночью. Один из «Мессеров» вспыхнул и клубком огня, разваливаясь в воздухе на части, просыпался на поле и лес.

А из-за леса показались «чайки» – юркие бипланчики «И-153».

Перкаль – фанера против немецкого дюралю... Ничего...

Ближняя «чаечка» вильнула – и попала как раз на линию огня.

И – вниз, кружась, как кленовое семечко...

Правда, и немец не избежал попаданий – сразу три товарки сбитой «чайки» отомстили фрицу, запалили ему мотор.

И снова размен – «И-153», вращаясь в последней «бочке», сверзился с небес, а неподалеку упал «Мессер».

Немецкий самолет ударился по касательной, подскочил, взрываясь и разваливаясь на куски, и закувыркался дальше частями, разлетающимися огненным веером.

Вскоре из восьми «Мессершмиттов» половина оказалась на земле, но и «чаек» почти не осталось – лишь двое самых умелых пилотов, или самых везучих, все еще вертелись в небе. Однако немцы не стали с ними связываться. Ушли.

Отогнали супостата...

Чельшев вдохнул глубоко, ловя себя на том, что минуту или больше не дышал, настолько его захватила воздушная баталия. Хапая воздух ртом, он потрусил к самолету.

Там уже стоял комполка Скворцов, и, перекивая шум моторов, говорил:

– Севернее Гродно прорвались танки. Много их! Нам надо помогать наземным войскам. Во всяком разе, наша эскадрилья уже воюет. Еще готовим около десятка машин. Связи с командованием у нас по-прежнему нет, зато отправили самолет в Лиду, связались с генерал-лейтенантом Рычаговым, он сейчас где-то в районе Нового Двора воюет. Говорят, сам Сталин его послал! Так-то вот. Алешин! Пойдешь на доразведку!

– Есть! Только, товарищ подполковник, разрешите с бомбами? Там столько целей! Хоть килограмм шестьсот!

– Хорошо, Алешин, возьми шестьсот. Нет, тысячу килограммов! Взлетишь? Молодец! Бери десять «соток», лети! Мсти за родной полк!

– Товарищ командир! – подошел техник самолета Панин. – Бомбардировщик-пикировщик к боевому вылету готов!

– Хорошо! Экипаж в сборе?

– Да! Только...

¹⁰ ШКАС – пулемет Шпитального, Комарицкого, авиационный скорострельный.

- Что там еще? – спросил Скворцов.
- Я без вас отпустил в Россь старшину Федосова.
- Кто разрешил? В такое время?
- У него там... Понимаете...
- Не тани! Знаю: семья, две дочери. Ну и что?
- Нет их... больше.
- Как нет?
- Утром... Прямым попаданием... Другие семьи тоже погибли...
- Комполка опустил голову, кусая губы. Сказал глухо:

– Приказано нанести бомбоудар по немецкому аэродрому в Судавии... э-э... в Сувалках!¹¹ Там стоят зенитки, но, во всяком разе, прорываться к объекту надо, и надо так его накрыть, чтоб... на части! Это ясно? С истребителями держать плотный строй. При входе в зону зенитных батарей рассредоточиться и выполнять противозенитный маневр. Уход от цели поворотом вправо со снижением. Предупреждаю! Из машин выжимать все, от строя не отрываться. Оторвавшихся сбивают. Управлять боем приказано мне. Прошу следить за моими сигналами. Мой сигнал – это приказ! Ясно?

– Ясно! – вразнобой ответили летчики.

– По самолетам!

Челышев вспорхнул в кабину.

– По местам! От винтов!

– К полету готов! – доложил штурман.

– ...готов! – ворохнулось в наушниках. Это докладывал стрелок-радист Кибаль.

Тяжело нагруженная бомбами, «пешка» покатила по аэродрому, грузно приседая, но взлетела легко.

Девятка «Петляковых» взяла курс на запад.

Все бомбардировщики старательно держали места в строю, летели как на параде – строгим клином с равными интервалами.

С ближнего аэродрома снялась пятерка «МиГов», расположилась по схеме прикрытия: звено ушло вперед, пара осталась замыкающей.

– Выходит, и вправду война! – послышался в наушниках голос стрелка-радиста.

– Дошло, наконец... – буркнул штурман.

– Ну, мало ли... Может, провокация!

– Провокация – цэ когда один самолет-нарушитель, а когда их тыща... Тут вже не местный конфликт!

– Чего ж они так провокаций боялись?

– Хто – воны?

– Ну, сам знаешь, кто...

– А ты глянь наружу, – сказал Челышев. – Видишь «МиГ-3»? Их, считай, только-только выпускать стали, мало кто умеет на них летать. Вот и думай. С «ишачков» слезли, а на «мигари» толком не сели. Перевооружение, понял? Да тут и за год не обернешься! А немчура нам даже недели не дала – напала. Вот и боялись, что война начнется, да в самый неподходящий момент. Так и вышло...

– Ничого, – буркнул Павло Ткачук. Обычно он вполне прилично говорил по-русски, только что с мягким «хохлацким» выговором, но, когда волновался, словно забывал слова и начинал мешать «великий, могучий» с напевной украинской «мовой». – Ничого. Вон, как «чаечки» им всыпали! Хороший пилот, он и на «ишаке» жизни даст немцам.

¹¹ После раздела Польши между Германией и СССР в 1939 году город Сувалки под названием Судавия (Sudauen) был присоединен к Восточной Пруссии.

- Эт точно... Как мыслишь, командир, до осени управимся?
- Какого года? – спросил Егор.
- К-как это – какого? Этого!
- А ты в школу ходил? Помнишь, сколько шла империалистическая? Четыре года!
- Да ну-у... Это ты переборщил! Что ж нам, до 1945-го воевать?
- Поживем – увидим.
- Если доживем, – буркнул штурман.

Рассвело, видимость была – миллион на миллион, но та картина, что открывалась с высоты, не радовала. Над железнодорожной станцией Россь, над местечком, что стояло рядом, над авиагородком клубился серый дым – догорали ангар и склады, взлетное поле было перепаханно воронками от бомб. С высоты четырех тысяч метров распахивались лесные дали, поля колосившейся ржи выделялись серебристыми пятнами, синели, отражая чистое небо, озера и болота.

Проголина словно раздвинула зеленый массив, пропуская широкую ленту Немана. А вот и знакомый изгиб, речка Зельвянка, городок Мосты. И тут пожарище...

- Та що ж цэ таке... Курс триста тридцать.
- Есть курс.

Впереди вставала пепельно-серая полоса, чей верхний косматый край расплывался в небе. Это горел Гродно.

Над городом носились «Юнкерсы-87» – стойки шасси у них не убираются, так и торчат, в каких-то нелепых обтекателях, похожих на разношенные боты, а крылья ломаные будто – растянутой буквой «W».

Чередой сваливаясь в крутое пике, «Ю-87» роняли бомбы, и там, куда падал убийственный груз, дыбились земля, вспухая пылью и обломками, рушились здания, вспыхивали пожары.

- Ах, суки...
- Я порой жалею, что не истребитель!
- Ну и зря. Ежели хорошо, как надо, отбомбимся, то мы немцам больше наваляем, чем эскадрилья «ястребков»!
- Да уж постараемся! О, гляди, наши!

Над клубами пыли и дыма вспыхивали черно-белые шары разрывов зенитных снарядов. В районе горящего аэродрома звено «чаек» вертелось колесом, отбиваясь от тонкофюзеляжных «Мессершмиттов». «Худые» кружили зловеще, как вороны, то и дело строчили пулеметы¹², прочерчивая пунктиры трасс.

Одна из «чаек» задымила, стала снижаться, вспыхнула и камнем рухнула на берег Немана. Два «И-153» продолжали атаковать «Мессеров» и добились-таки своего, подбили одного «худого» – и стали уходить, маневрируя и виража. Видно, боеприпасы вышли. Немцы это тоже поняли и устроили охоту: двое загоняли «чаек», а другая пара их отстреливала. И вот еще один биплан слетел вниз по косой, оставляя за собой копотный шлейф. Последняя из «чаек» пошла на таран – ударила «Мессершмитт» под крыло, перемалывая винтом дюраль. На землю посыпались оба самолета, немецкий и советский, кружась, сталкиваясь, ломаясь, врезаюсь...

Челышев насупился. Наверное, так бы он не смог, чтобы за смерть гитлеровца заплатить собственной жизнью. Духа бы не хватило. Хотя чего загадывать?

Вот окажешься ты в такой ситуации, как пилот «чайки», и что выберешь? Ну уж если помирать, то хоть одного немца надо с собой прихватить, это правильно...

- Справа в двух километрах ниже – четверка «Мессеров».
- Следи за ними. Если развернутся к нам, сообщи немедленно.

¹² «Мессершмитты» модификаций С-1, Е-1 и D-1 были вооружены четырьмя пулеметами «МГ-17».

– Они нас не видят. Мы же со стороны солнца.

– Внимание, «маленькие»! – послышался в эфире голос Скворцова. – Опасность справа. Прикройте!

– Наблюдаем. Работайте, «большие», спокойно.

«Пешка» полетела вдоль дороги на Августов. По шоссе пылили автоколонны немцев. В районе головной колонны следовала группа «Ю-87», с ними вели неравный бой тупоносые «И-16».

Уклоняясь от пулеметно-пушечных трасс врага, сами поливали его огнем, яростно бросались на немецкие пикировщики, сбивали их с боевого курса, не давали прицельно бомбить объекты.

Строй бомбардировщиков распался – одни повернули назад, другие упорно двигались вперед, на Гродно.

Немцы умели воевать, но геройством не отличались. Да и чего ради умирать на чужой земле? Не Фатерлянд, чай...

«Ничего». Не хотитедохнуть? Заставим.

В стороне от дороги, на зеленом покрывале леса, возникли серые кружочки – это «Юнкерсы» сбрасывали бомбы, освобождаясь от груза.

А колонны немецких войск все ломили и ломили, почти непрерывной серой лентой – грузовики с короткими кабинами, автоцистерны, кухни, пушки на конной тяге. В разрывах пепельно-желтых пыльных облаков чернели танки.

Железный поток выкатывался из Августовских лесов, и конца ему было не видно. Августов тоже горел.

За городком проходила государственная граница – Челышев угадал ее линию по огороженным дворикам пограничных застав.

Дорога к Сувалкам была открыта.

Та же Остроленка, откуда тоже взлетали немецкие самолеты, располагалась куда ближе к аэродромам 16-го СБП, но туда было решено отправить машины со Скиделя.

– Высота пять тысяч двести. До цели осталось пять минут.

– Перестроиться для атаки! – прозвучала в эфире команда ведущего. – Произвести боевое развертывание!

Впереди летящие «Пе-2» начали маневр: из левого пеленга все перешли в правый и образовали длинную цепочку. Истребители верхнего яруса приблизились к голове колонны, и компания начал разворот. За ним потянулись все «петляковы», словно альпинисты в связке.

– Слухайте усим! Приготовьтесь к атаке! Товарищ лейтенант, чёму не включаете ЭСБР?¹³

– Рано, Павло! Включу на боевом курсе.

Челышев собрался, сосредоточился. Медленно вдохнул и резко выдохнул. Приготовиться...

И вот показался огромный зеленый луг, прочерченный белой бетонной полосой, а по краю – серые здания ангаров, темные скобы капониров, и самолеты, самолеты...

«Мессершмитты» и «Фокке-Вульфы» стояли группами и поодиночке, в капонирах и на рулежных дорожках, замаскированные и на открытых стоянках.

– Называется: «Не ждали!» – подал голос стрелок-радист.

Ведущий «Пе-2» уже подлетел к границе аэродрома, когда перед ним в небе вспухли первые разрывы. По летному полю пополз тонкий шлейф пыли – дежурные «Мессеры» пошли на взлет.

– Запызнылись! – хохотнул штурман.

¹³ ЭСБР – электросбрасыватель бомб.

Зенитки палили залпами. Бело-черные и серые хлопья клубились тут и там, сливаясь в распухавшее облако.

И точно, «запызнылысь»!

Ведущий лег на боевой курс, вот его зелено-голубая «пешка» взмахнула двухкилевым хвостом, словно ныряющий кит, и опрокинулась в крутое пике.

Атака началась!

На стоянках рвались авиабомбы, разбрасывая, ломая фашистские самолеты, будто игрушечные. Зачадили пожары. Славно!

– Командир! Разрывы справа – пятьдесят метров! Теперь слева – тридцать!

«Пешку» тряхнуло.

Челышев следил, не мигая, за хвостом «петлякова», летевшего впереди. Тот начал противозенитный маневр, и пилот повторил его.

– Включаю ЭСБР! Угол пикирования сделаем семьдесят градусов. Слышишь? Выдержи!

– Вас понял! Выпускаю тормозные решетки!

В рев моторов вплелся резковатый шумок, добавленный открывшимися решетками. «Пе-2» резко уменьшил скорость, будто кто прихватил его за хвост, осаживая.

– Потеряй еще двести метров! Так! Боевой!

Пилот мельком глянул вниз.

– Давай по целям, что у ангара!

– Так я и хочу! Влево – восемь! Еще! Замри! Пошел!

Челышев с силой отжал штурвал.

«Пешка» опустила нос, и серые рулежные дорожки с распластавшимися вдоль них «худыми» и «лаптежниками», черные крыши ангаров – все это встало в прицеле.

– Выводи! – штурман хлопнул пилота по плечу.

Челышев вдавил боевую кнопку в гнездо на штурвале, «Петляков», дрожа, приподнял нос, выходя из пикирования, а с держателей сорвались бомбы.

– Есть попадания! Цель накрыта!

Хлопнули, закрывшись, бомболюки. Самолет на огромной скорости промчался над горящими аэродромными строениями.

Челышев двинул правую педаль, начиная разворот, и в ту же секунду совсем рядом с «пешкой» рванула ослепительная вспышка огня.

Штурвал вырвался из рук, машину бросило вверх и влево, заваливая на спину, ударил такой грохот, что даже рев моторов заглушил. Пилот сослепу вцепился в штурвал, сдвигая тот в нейтраль. Бомбардировщик продолжало тянуть вправо, заваливать, опрокидывать.

– Попали-таки, сволочи!

– Командир, нас подбили! Прямо в двигло!

– Вижу. Чую.

Взрыв 88-мм снаряда разворотил правый двигатель, повредил обшивку крыла, задирая листы дюралю и оголяя лонжероны.

Под напором воздуха по крылу черной ребристой дорожкой растекалось моторное масло.

– Только б не загорелся!

Челышев дотянулся и выключил зажигание правого мотора.

Самолет резко убавил скорость, но тянул, рулей слушался. Летел устойчиво.

– Раненые есть? Осмотрите машину!

– Повреждена обшивка правой плоскости и стабилизатора, разбита мотогондола. Оторвано правое колесо.

– Ах ты...

Пилот начал осторожный разворот в сторону работающего движка – при малейшей резкости или неточности движения рулей самолет легко сорвется в штопор...

– Командир! Командир! – закричал радист. – Снизу заходят три «Мессера»! Дистанция – два километра!

Штурман откинул к борту свое сиденье-тарелку и встал на ноги к пулемету.

– Атакуют с двух сторон!

– Павло! Подпускай поближе, береги патроны!

– Маневр влево!

ШКАС пустил очередь, захлебываясь от выстрелов. Вражьи трассы пронеслись мимо. Застучал крупнокалиберный пулемет радиста, и два «худых» отвернули, не открывая огня.

– Заходят сверху и снизу!

– Маневр влево! Маневр вправо!

Вправо сложнее – мотор разбит. Так и упасть можно...

Басовито застучал люковый пулемет, и тут же «пешка» резко задрожала – в дюрале правого крыла проявились зазубрины новых дыр.

– Командир! Наши!

– Что? Где?!

– Сверху сзади! «Ишаки», родимые!

«И-16» налетели чуть ли не эскадрильей, с ходу опутив «худого», остальные не стали связываться.

– Командир! До дому?

– Не долетим. Сядем, где удастся.

Ближайшие к границе аэродромы были разворочены авиабомбами, стали тянуть чуть дальше.

– Впереди по курсу СБ!

Серебристая «эсбушка» подлетала к границе летного поля.

Вот и шасси выпустила...

– Заходи, командир, на посадку.

– Добро. Вхожу в круг.

С места, где находился КП, взвилась зеленая ракета. Там стояла толпа людей, махала руками. Кто-то выбежал вперед, поднял над головой белый флажок...

Посадка разрешена.

Д. Щербин, командир разведвзвода 8-го полка 4-й танковой дивизии:

«В четыре часа утра на опушке леса недалеко от Волковыска немецкий самолет выбрасывал десант. Получили команду взять десантников в плен.

Около 30 человек расстреляли на месте. Часов с пяти с Волковысской церкви по нам был открыт пулеметно-минометный огонь. Вот так нас встретил Волковыск. Предательство, измена. Обидно было до того, что слезы появлялись на глазах, а некоторые плакали.

От Волковыска мы взяли курс отступления к юго-западу от Минска, а 26 июня, израсходовав все боеприпасы и горючее, начали прорываться группами в Полесье – в направлении Мозыря, лишь бы не попасть в плен.

И вот началось мытарство – не то ты военный, не то гражданский. Всю ночь идешь голодный, а днем смотришь из-за леса, как сплошным потоком в небе плывут двухмоторные самолеты с черной свастикой в направлении Смоленска и Москвы».

Глава 3

«Летающий танк»

430-й штурмовой авиаполк, вооруженный новейшими совсекретными бронированными «Ил-2», был переброшен на аэродром Зубово, что под Оршей, где и пополнил 23-ю САД¹⁴.

В тот же день, самый длинный день в году, штурмовики были передислоцированы в Приямино, там взлетно-посадочная полоса счастливо избежала бомбежки – ни одной воронки! Хотя самолеты Люфтваффе накатывали волнами каждые двадцать минут, как по часам.

Михаил Ерохин свою первую штурмовку провел еще на Халхин-Голе, а потом была Испания. Жаль только, что над Мадридом в ту пору не реяли нынешние «Ил-2», а то бы фашисты огребли.

Михаил вздохнул. Война целый день идет, а он только один вылет сделал! Но это ничего – немцев столько приперлось, что хватит всем. Бить – не перебить.

Так уж вышло, что Ерохин оказался самым молодым командиром эскадрильи в 430-м ШАП, отчего «старики» прозвали его «Дядей Мишей». Впрочем, «кликуха» была дана вовсе не в насмешку – Ерохина в 3-й эскадрилье уважали.

За бестрепетность и смекалку в бою, за отточенный пилотаж, за лютость к врагу. «Уж ежели «Дядя Миша» вцепится, – говорили в полку, – то не отпустит, пока не порвет!»

Ближе к вечеру 22 июня комэска вызвали на КП.

– На станции Брест скопилось несколько вражеских эшелонов, – сказал комполка. – На платформах – артиллерия, боеприпасы и цистерны с горючим. Короче, противник подтягивает артиллерию, товарищ старший лейтенант, и ваша задача – силами эскадрильи нанести штурмовой удар по сосредоточению воинских эшелонов врага.

– Есть, товарищ полковник!

– Погодь, не торопись. Вылет через полчаса. Скоро разведка доложит, чего там и как. Да, чуть не забыл. Тут неподалеку, в 122-м истребительном, сам Рычагов воюет.

– Да ну?

– Да-а! Слух прошел, что товарищ Сталин его послал. Я с Татанашвили созванивался, тот говорит, все точно – Иосиф Виссарионович лично звонил Рычагову!

– Здорово...

– Да-а... Так я о чем? Рычагов тут всех поднял, встряхнул и пинков надавал особо упертым. Потом и к нам дозвонился. Говорит, пускай ваши пилоты новую методу опробуют: как подлетят к цели, так сразу в круг становятся. Кумекаешь?

– Над целью? В круг? А что? Очень даже ничего... Никто не подкрадется!

– Главное, что в хвост никто не пойдет. Короче, поговори с ребятами. Сам знаешь, Рычагов – это фигура! Плохого не посоветует.

«Дядя Миша», обдумывая на ходу «новую методу», добрался до стоянки и растолковал пилотам суть «передового опыта».

– Дело, – сразу оценил новшество седуусый Потапыч. – Верняк! Только... Тогда и «маленьких» надобно кругом строить.

– Правильно! И лучше чтоб они... Ну, вот мы – по часовой стрелке кружим, да? А «маленькие» пускай против часовой!

– Дело!

С шипением взвилась зеленая ракета.

– По самолетам!

¹⁴ В нашей реальности это произошло в конце июня.

Цепляясь за особую ручку, Михаил залез на крыло, а с него – в кабину. Пристегнулся, воткнул вилку шлемофона в гнездо и зажал ее барашками.

Двенадцать штурмовиков вырулили на старт и один за другим, оставляя за собой густые шлейфы пыли, поднялись в небо.

Собравшись в группу, «Илы» пошли на высоте пятьсот метров, не отвлекаясь на колонны немецкой техники, которые шуровали сплошным железным потоком, почти без разрывов.

Выше летели шесть истребителей «Як-1», прикрывая «горбатов», как прозвали «Ил-2». Атаковать «Илы» спереди было бы для немцев самоубийством, а вот задняя полусфера у «горбатов» ничем защищена не была. Говорят, было у конструктора такое намерение – посадить сзади стрелка, да вроде как не вписался он, утяжелял штурмовик. А без него как? Зайдет «Мессер» сзади, да и расчихвостит, как ему хочется. Вот и майся теперь...

Иногда с земли, прикрывая колонны танков, били «Эрликоны», но «горбатые» не отвлекались – у них было свое задание.

На подлете «Дядя Миша» задумался, как бы им половчее немцев прищучить. На станции Брест хватало зенитной артиллерии, и атаковать цель с ходу было просто глупо.

По приказу Ерохина группа пошла не прямо на станцию, а чуть восточнее, чтобы обойти зенитки.

– Я – «Дядя Миша»! Четверке Спирина отвлечь огонь на себя.

– Есть огонь на себя! – отозвался лейтенант Спирин.

Четыре «Ила» стали заходить на Брест с запада, и немецкие зенитчики встретили их заградительным огнем – черные и белесые шапки разрывов кляксами расплылись в небе.

– Подавить огонь зенитной артиллерии!

Четверка старлея Гуляева ударила с пикирования – реактивными снарядами.

Затем «Илы» сделали еще пару заходов, расстреливая из пушек разбегавшихся немцев.

– Вижу цель! Набираем высоту.

Ерохин взял ручку управления на себя. Стрелка высотомера поползла по шкале вправо: 200... 500... 700 метров.

Высота нужна была «Илам» для того, чтобы сверху ринуться на цель под углом градусов в тридцать – прицельно сбросить бомбы, ударить «эрэсами» и успеть вывести тяжелые машины из пикирования.

– «Маленькие», – обратился Михаил к истребителям, – прикройте.

Подойдя к рубежу ввода самолетов в атаку, он скомандовал своим летчикам:

– За мной!

Чуть сгорбленный, словно спружинившийся для броска на свою жертву, «Ил-2» клюнул носом и безудержно устремился вниз.

За командирской машиной пошли вторая, третья, четвертая, пятая...

И еще, и еще...

«Крылатые танки», пятитонные штурмовики, напичканные полутонной бомб, восемью «эрэсами», и это не считая пары 23-мм пушек, летели, как железные ангелы смерти.

– На боевом курсе! Приготовиться к атаке!

Земля стремительно приближалась. Очень скоро стали отчетливо видны железнодорожные пути, забитые эшелонами. По шоссе, ведущему к станции, двигались танки, тентованные грузовики, колонны пехоты.

– Атакуем!

На станцию обрушился настоящий бомбопад, внизу вспухли клубы пламени, повалил дым. Взрывы были настолько сильными, что штурмовики подбрасывало. Пронизывая копотную пелену, пуша огненные хвосты, ушли «эрэсы».

– «Горбатые», делаем второй заход! «Заяц»! Ориентир – три отдельно стоящие сосны, курс – двести сорок градусов!

Звено лейтенанта Зайцева отбомбилось штатно – на воздух взлетели вражеские орудия.
– Работать в районе очага пожара!

При выходе из атаки Ерохин увидел на опушке березовой рощи, что находилась позади артиллерийских батарей, пирамиду ящиков с боеприпасами.

– Атаковать!

Спирин сбросил две бомбы на цель, его ведомые выпустили реактивные снаряды. На месте склада с огнем припасов взметнулось пламя и черное грибовидное облако.

– Слева «Мессер»! «Хомяк», займись «худым»!

Поединок лейтенанта Хомякова с фашистом длился считанные секунды – с дистанции в полста метров он открыл по «Мессершмитту» огонь. Тот накрылся неуклюже на правое крыло и, кувыряясь, рухнул в болото.

– Уходим!

В строю осталось девять «Илов». Истребители прикрытия, закончив работу, ушли на базу.

И тут Иван Арефьев доложил командиру группы:

– В кабине дым. Мотор задымил! Плохо вижу землю!

Штурмовик начал терять высоту и скорость. Ерохин пристроился к Арефьеву, а тот летел на бреющем – прямо на какой-то сарай или амбар.

– Иван, Иван! Отверни влево!

Арефьев пролетел рядом с сараем, но впереди показался мост.

– Еще левее, еще!

Миновав препятствие, Иван на малой скорости посадил машину на фюзеляж. «Дядя Миша» патрулировал над ним до тех пор, пока Арефьев не подал ему сигнал рукой: все в порядке, иди на аэродром. Командир эскадрильи стал набирать высоту, чтобы догнать остальных, и вдруг, откуда ни возьмись, явились два «Мессершмитта».

Один из «Мессеров» стал пристраиваться «горбату» в хвост.

Обороняться было нечем.

Михаил соображал недолго – и выпустил шасси. Самолет вздрогнул, его скорость резко упала, а «месс» ушел вперед, оказываясь в секторе обстрела. Сообразив, что к чему, немецкий пилот постарался отвернуть, да только уже не поспевал – и заработал добрую порцию пуль. «Худой» задымил да и потянул до своих.

А вот второму уже не досталось – вышли и снаряды, и патроны.

Фашист прошел очередью крыло штурмовика. Пулей мелкой, но пакостной пробilo кабину. Ерохину обожгло висок. Кровь заливала глаза, голова кружилась от перегрузок, а тут вертись, уходи из-под огня.

«Дядя Миша» маневрировал: резко менял высоту полета, делал развороты, но «Ил» был обречен. Побитая машина задымила, и тут посреди огромного болота обозначилась небольшая площадка.

Туда штурмовик и плюхнулся. Ошеломленный, «Дядя Миша» вывалился из кабины.

«Мессер» разворачивался вверх, видно, посчитав, что сбил русского.

«Дальше пешком», – понял комэск.

Облив «Ил» бензином, Ерохин поджег его, чтобы не достался врагу, а сам потопал на восток.

К утру вышел к березовой роще, а за нею обнаружилось шоссе.

Оно долго пустовало, пока, наконец, не показалась телега.

Смуглолицый ездовой с эмалевыми треугольниками в петлицах¹⁵ погонял животину не шибко, жалеючи.

¹⁵ Младший сержант.

– Стой! – выступил из-за деревьев Ерохин. – Кто таков?

– Узбек, Азиз меня зовут, – отрекомендовался возница и гордо добавил: – Я сапер! Саперы ставят мины, а я подвожу. А ты кто? Летчик?! Хоп, ладно, садись. Довезу до нашей части...

А. Данилов, старший политрук 127-го ИАП:

«Навалились со всех сторон. Дают веером очередь, почти наугад. Хотел дать вторую, жму гашетки, а пулеметы молчат.

Понял: кончились патроны. Видать, это поняли и немцы: встали в круг, да и взяли меня, голубчика, в оборот. Вижу: левая плоскость ободрана, перкаль болтается, ребра наружу. Машина слушается плохо.

А гитлеровцы лупят по очереди, кругом огонь, дым, следами от трассирующих пуль все, как сеткой, затянуло. «Вот теперь, – думаю, – погиб». Эрликоновский снаряд нижней плоскостью пробил, пуля в сухожилие левой руки угодила, лицо в мелких осколках, реглан искромсан...

Верчусь, как куропатка, а поделать ничего не могу. Гляжу: один так красиво на меня заходит. И вижу свою смерть. Теперь уже все равно – таран так таран! Он – в пике, а я задираю нос к нему.

Успел отчетливо увидеть горбоносое лицо и злорадную на нем ухмылку гитлеровца: знает, гад, что я безоружен, торжествует победу. «Ну нет, думаю, рано: ни мне, ни тебе!»

Не помню уже, как довернул свою «чайку» и винтом рубанул «Мессеримитт» по крылу. Он и посыпался.

Падает, струя дыма от него все толще и толще, – и я рядом, в нескольких метрах от него падаю. «Мессер» стукнулся об землю и сгорел, а моя «чайка», хоть и подбитая, полетче, перед самой землей как-то вывернулась. Сел на брюхо, огляделся. Своих не вижу никого, а фашистов кругом полно, бьют по мне, лежащему. Чувствую удар в живот, не знаю, чем: пулей, осколком снаряда?

В глазах сразу потемнело, какие-то круги поили. Решаю: теперь-то уж наверняка убит...»

Глава 4

Под перекрестным огнем

Комзвена Долгушин до последнего не верил, что сможет совершить свой третий вылет – как раз зашли «Ме-110». Стали в круг и с пикирования принялись обстреливать стоянку самолетов.

Хоть там и остались одни ломаные да битые, а все равно жалко.

Перед выходом из пикирования тяжелые двухмоторные «Мессершмитты» сбрасывали «бомбы-лягушки» СД-2.

Огонь был очень мощный, два «И-16» упали, подбитые на взлете.

Бомбы рвались с черным дымом и пылью, оставляя небольшие воронки.

«Ишачок», только что заправленный, с еще горячим мотором, взлетел, и Долгушин завертел рукоятку, убирая шасси. Надо было сделать сорок три оборота, да вот только немцы церемониться не стали, открыли огонь.

Проклиная «чертова ишака», немцев, все на свете, Сергей набрал-таки высоту, не сверзившись вниз. Оглянувшись, он малость успокоился – все три ведомых шли за ним, крутя головами во все стороны. А ведь учили их!

Это комзвена просматривает воздушное пространство по часовой стрелке, слева направо; передняя полусфера сверху вниз, правая снизу вверх, затем левая – снова сверху вниз.

В звене же, когда один ведомый идет слева, а два справа от ведущего, обзор пространства ведется иначе: командир смотрит вперед – влево и вправо, вверх и вниз; левый ведомый оглядывает по часовой стрелке, правые же, наоборот, против ее хода.

Вдобавок экипажи делают отвороты то в одну, то в другую сторону, высматривая, нет ли врага на хвосте.

– Балбесы... – буркнул Сергей.

Жаль, что на «И-16» не стоят рации. Очень жаль.

Долгушин глянул на машину комэска Кулева: тот должен был дать команду на перестроение. Вот!

Самолет комэска покачал крыльями, подавая сигнал: «Перестроить боевой порядок в правый пеленг звеньев». Долгушин с ведомыми приотстал, давая возможность левому звену встать куда положено.

Внизу зеркальной лентой сверкнул Неман, а с запада наплывали целые облака пыли – она выбивалась из-под гусениц, копыт и колес гигантской колонны.

Немцы наступали.

Вдали клубились бурые облака дыма от пожаров, виднелись разрывы бомб и снарядов, сверкавших красными и малиновыми искрами. Дым, пыль и гарь поднялись до двух километров высоты.

Самолет Кулева дернулся, словно поплавок, когда рыба клюет.

Это означало: «За мной, в атаку!»

С пятисот метров истребители ринулись вниз, обстреливая головные автомашины вражеской колонны. Навстречу понеслись очереди из «Эрликонов» и мелкие снаряды зениток.

Долгушин ощущал злое торжество, наблюдая, как пушки его «ястребка» рвут капоты «Опелей», кромсают покатые крыши легковушек, косят разбегающуюся пехоту.

Чуть ли не у самой земли комзвена вывел самолет из пикирования, боевым разворотом ушел вверх и снова бросился с высоты на неприятельскую колонну, на этого стального змия, что вполз на его родную землю.

Теперь «ишачки» терзали хвост змия, чтобы застопорить его пресмыкание на восток. Когда и там загорелось, спикировали на середину колонны.

Не повезло Сашке, ведомому, что шел слева – напоролся на пару снарядов и просыпался вниз, прямо на горевшие грузовики.

Командир эскадрильи подал сигнал на выход из атаки – несколько раз переложил самолет с крыла на крыло.

Потрепанная эскадрилья прекратила штурмовку, построилась в боевой порядок и легла на обратный курс. Шесть «И-16» догорали на земле...¹⁶

Пройдя над Новым Двором, Долгушин увидел, что по полю выложен крест: садиться нельзя. Да это и так ясно – воронка на воронке.

«Мессершмитты» появились снизу.

Быстро набирая высоту, «худые» набросились на толстолобых «ишачков». И закрутилось огненное колесо воздушного боя, складывались, перекрещивались в небе выхлопы моторов.

«И-16» Стоянова сошелся в лобовой атаке с «Мессером», вот только немец попался упертый, и вскоре два горящих истребителя уже неслись друг другу навстречу – никто не желал уступить.

Мгновение – и огненные шары столкнулись в воздухе, вспыхнув общим взрывом.

Долгушин кусал губы от ярости – Ишанов подбит, Чубук, Стоянов, Плющ!

«Мессершмитт» будто сам всплыл в рамку прицела, и Сергей до боли вдавил палец в гашетку. Всего два снаряда выпустили стволы.

Боезапас – йок, как говорит Марат Гияттулин.

«Мессер» шарахнулся в сторону, и ведомый мигом добавил оборотов двигателю, устремляясь за фашистом. С пятидесяти – семидесяти метров он прошел немецкий истребитель длинной очередью, почти переломив того пополам.

– Есть!

Сверху уходил в пике «худой», и Долгушин рванул за ним.

Высота резко падала: 1500... 1000... 800... 600 метров.

«Мессершмитт» выкрутился на «горку», взмыл вертикально вверх.

Глаза Сергея словно застлала темная ночь, но в следующую секунду он снова увидел противника. Врага! Гадину, которую надо раздавить!

Опять отвесное пикирование, дистанция быстро сокращалась: 400... 300... 200 метров, высота 800.

Немец рванул вверх, зависая на долгий миг – пулеметы застрочили, исполняя немзыкальный реквием. «Мессер» перевернулся через крыло и грохнулся на шоссе, по которой ползли серые машины фрицев.

– Собаке – собачья смерть, – процедил Долгушин.

«Повторяем атаку!» – покачиванием крыльев просигналил комэск.

И пятерка «И-16» снова вошла в пике...

В эскадрилье было восемнадцать самолетов. После третьего вылета их осталось четыре. Соединили две АЭ в одну и вылетели в четвертый раз.

И тут Долгушин впервые за долгие часы войны ощутил довольство – шестнадцать «ишачков» почти сразу наткнулись на бомбардировщик «Ю-88», возвращавшийся после налета на Минск. Никакие «Мессеры» их не прикрывали – «худым» не хватило бы бензина на обратный путь.

Сергея бесила эта немецкая наглость – гитлеровцы до того уверовали в собственную непобедимость, что даже не дали бомбовозам сопровождения! Они, выходит, и в грош не ставили советских летчиков или были убеждены, что тех, вместе с самолетами, пожгут на земле. Гады...

¹⁶ В составе 122-го ИАП находились четыре эскадрильи по 18 самолетов в каждой.

«Ишачки», как и было задумано, разделились на четыре четверки и напали на строй бомберов. Генерал Рычагов, когда мотался по округу, всех убеждал, что биться надо не тройками, как следовало по уставам, а парами и четверками. Командиры с комиссарами держались уставов, опасались нового или воспринимали идею в штыки, зато пилоты быстро разобрались в сути дела.

Да и чего тут разбираться: тройка – это когда один ведущий и два ведомых – сковывает маневр, а пара – тут крутись, как хочешь.

Говорят, кого-то из командиров полков Рычагов бросил уговаривать и сунул тому дуло пистолета под подбородок. Наорал на упертого. Дескать, для победы над врагом можно хоть задом наперед летать, главное – бить этого врага в хвост и в гриву! Понял, мать твою? Комполка оказался понятливым...

«И-16» Долгушина подобрался к «Юнкерсу» снизу и выдал очередь по двигателю. Пара пулеметов ШКАС особого ущерба немцам не причинила, зато две пушки ШВАК наделали делов – задымил бомбовоз.

Винт его замедлил вращение, крутнулся и замер, дым повалил гуще. Показалось пламя, полыхнуло, разгорелось... «Юнкерс» накренился, и гансы полезли с парашютами прыгать.

– Сигайте, сигайте...

Сергей спустил истребитель с «горки» и снова нырнул под брюхо очередному бомберу. Тот, чуя смерть свою, лег на крыло, пытаясь свалить, да не тут-то было. Даже трассеры из подфюзеляжной гондолы Долгушина не остановили – снаряды продолбили по «Юнкерсу», нащупывая бензобаки, и нащупали-таки – фюзеляж вывернуло, словно крышку у консервной банки, и наружу ударил фонтан огня. «Подфюзеляжник» мигом смолк.

Вот, тоже мне, додумались, – мелькнуло у Сергея, – куда засунуть стрелка! Главное, в кабине все сидят, как фон-бароны, а этот лежа!

Тут его едва не подловили с подлетавшего «Юнкерса».

Два или три пулемета у «88-го» были нацелены вперед, правда, изо всех этих установок огонь вел один стрелок-бомбардир, но все равно получить очередь – это неприятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.